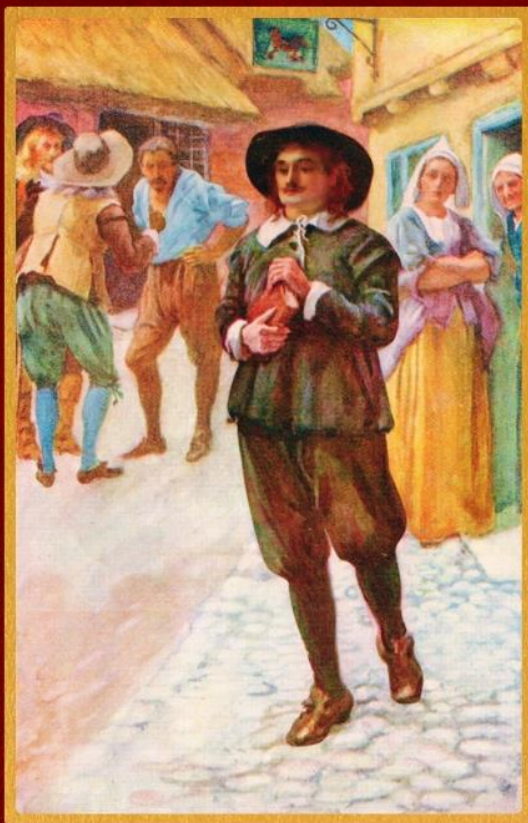

**БЛАГОДАТЬ,
ИЗОБИЛЮЩАЯ К ПЕРВОМУ
ИЗ ГРЕШНИКОВ**

ДЖОН БУНЬЯН

БЛАГОДАТЬ,
ИЗОБИЛЮЮЩАЯ К
ПЕРВОМУ ИЗ
ГРЕШНИКОВ

ИЛИ

КОРОТКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ О
БЕЗМЕРНОЙ МИЛОСТИ БОЖЬЕЙ ВО
ХРИСТЕ К ЕГО БЕДНОМУ СЛУГЕ

ДЖОН БУНЬЯН

* * *

GRACE ABOUNDING
TO THE CHIEF OF SINNERS

OR,

A BRIEF RELATION OF THE
EXCEEDING MERCY OF GOD IN
CHRIST TO HIS POOR SERVANT

BY JOHN BUNYAN

Перевод с английского: Пронин В. Л.

Английский оригинал, а также иллюстрации взяты с сайта The Project Gutenberg и выпущены под лицензией Project Gutenberg License. Адрес: <https://www.gutenberg.org/ebooks/654>

Уведомление об авторском праве

© Пронин В. Л. 2012 г.

Все права на перевод закреплены. Разрешается свободное копирование электронной версии этой книги для некоммерческого использования. Разрешена распечатка этой книги на домашнем принтере для личного использования или безвозмездной передачи другому лицу. Запрещается продавать эту книгу, тиражировать в больших количествах, переводить на другие языки или использовать для ходатайства о предоставлении материальной помощи без письменного разрешения со стороны переводчика.

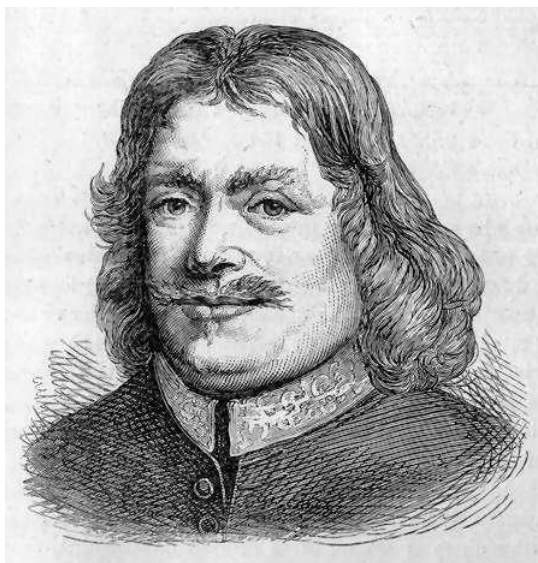
За дополнительной информацией обращайтесь по адресу: vladimir-pronin@yandex.ru

Предисловие переводчика

Уважаемый читатель!

Насколько мне известно, это первая попытка перевода духовной автобиографии Джона Буньяна на русский язык. Я не профессионал, а работа была нелёгкой, потому что английский язык XVII века отличается от современного, и тяжеловесный стиль, каким тогда писали, даже на родном языке непросто понять. В своей работе я придерживался следующего правила: отдавать приоритет точности перевода, а не его литературности; не упрощать в ущерб смыслу, но стараться не упустить ни одного значимого слова автора. В некоторых местах я изменял пунктуацию согласно правилам русского языка для удобства чтения. Библейские цитаты представлены по Синодальному переводу. Надеюсь, что кому-то опыт Джона Буньяна поможет, как помог мне, однако следует учесть, что с тех пор Церковь Христова получила больше откровения.

«Повествование о заключении г-на Буньяна» не входит в это издание.

ПРЕДИСЛОВИЕ

**ИЛИ КОРОТКОЕ СООБЩЕНИЕ О ПУБЛИКАЦИИ
ЭТОЙ РАБОТЫ, НАПИСАННОЕ САМИМ АВТОРОМ И
ПОСВЯЩЁННОЕ ТЕМ, ВОЗРОДИТЬ КОТОРЫХ К
ВЕРЕ БОГ СЧЁЛ ЕГО ДОСТОЙНЫМ ЕГО
СЛУЖЕНИЕМ В СЛОВЕ.**

Дети, благодать да пребудет с вами, Аминь. Я, будучи взят от вашего общества и так ограничен в свободе, что не могу выполнять обязанность, возложенную на меня Богом по отношению к вам для вашего дальнейшего обучения и назидания в вере и святости, и т. д., и чтобы вы могли увидеть, что моя душа имеет отеческую заботу и желание вашего духовного и вечного благоденствия; я теперь ещё раз, как прежде с вершины Сенира и Ермона, так и теперь от логовищ львиных, от гор барсовых (Песн. 4:8), ещё позабочусь о всех вас, сильно желая увидеть ваше безопасное прибытие в вожделенное Небо.

Благодарю Бога за каждое воспоминание о вас и радуюсь, даже когда я попадаю между львиными зубами в пустыне, благодати, и милости, и познанию Христа нашего Спасителя, которые Бог даровал

вам с избытком веры и любви. Ваш голод и жажда по дальнейшему знакомству с Отцом, в Его сыне, нежность вашего сердца, ваше опасение греха, также ваше трезвое и святое поведение и перед Богом, и перед людьми являются сильным подкреплением для меня, «ибо вы — слава наша и радость» (1 Фес. 2:20).

Я послал вам вложенную здесь каплю того мёда, который я взял из львиной туши (Суд. 14:59). Я и сам ел от него, и был им много подкреплён. (Искушения, когда мы с ними встречаемся впервые, подобны льву, который рычал на Самсона, но если мы побеждаем их, в следующий раз, когда мы их видим, мы найдём в них медовые соты.) Филистимляне меня не понимают. Это — нечто, связанное с работой Божьей над моею собственной душой, даже с самого начала и до сих пор; из чего вы можете постичь мои взлёты и падения, ибо Он уязвил, и Он исцелит. Написано в Писании (Ис. 38:19): «Отец возвестит детям истину Божию». Да, была на то причина, почему я пребывал так долго у Синая (Втор. 4:10,11), чтобы видеть огонь, и облако, и мрак, чтобы я научился бояться Господа во все дни жизни своей на земле и рассказало чудесных делах Его своим детям (Пс. 77:3-5).

Моисей (Чис. 33:1,2) описал путешествия детей Израилевых от Египта до земли Ханаанской и заповедал также, чтобы они помнили своё сорокалетнее странствование по пустыне. «И помни весь путь, которым вёл тебя Господь по пустыне вот уже сорок лет, чтобы смирить тебя, чтобы испытать тебя и узнать, что в сердце твоём, будешь ли хранить заповеди Его, или нет» (Втор. 8:2). Вот почему я попытался это сделать, и не только описать, но и опубликовать это, чтобы, если Бог позволит, другие могли вспомнить, что Он сделал для их душ, читая о Его работе надо мной.

Полезно для Христиан вызывать в памяти самые начала действия благодати на их души. «Это — ночь бдения Господу за изведение их из земли Египетской; эта самая ночь — бдение Господу у всех сынов Израилевых в роды их» (Исх. 12:42). «О мой Боже, — говорит Давид (Пс. 41:7), — унывает во мне душа моя; посему я вспоминаю о Тебе с земли Иорданской, с Ермона, с горы Цоар». Он вспоминал также льва и медведя, когда шёл сражаться с гигантом из Гефа (1 Цар. 17:36,37).

В обычной манере Павла было (Деян. 22), и когда его судили за его жизнь (Деян. 24), всегда открывать перед его судьями то, как он

обратился. Он думал о том дне и о том часе, в который встретился с благодатью, поскольку он обнаружил, что это поддерживает его. Когда Бог провёл детей Израилевых через Чёрное море, далеко в пустыне они должны были снова вернуться почти что туда, чтобы вспомнить, как там утонули их враги (Чис. 14:25). Ибо хотя они и пели Ему хвалу раньше, всё же «скоро забыли дела Его» (Пс. 105:11-13).

В этом моём рассказе вы можете увидеть много, повторю, много благодати Божией ко мне. Благодарю Бога, я могу посчитать её как многую, поскольку она была превыше моих грехов и, также, искушений Сатаны. Я могу вспоминать свои страхи, и сомнения, и месяцы печали с утешением; они как голова Голиафа в моей руке. Для Давида не было ничего подобного мечу Голиафа, тому мечу, который должен был погрузиться в его внутренности, ибо самый вид и воспоминание о нём провозглашали Божье избавление для него. О, воспоминание о моих великих прегрешениях, о моих великих искушениях и о моих великих страхах погибнуть навеки! Они снова воскрешают воспоминание о великой помощи мне, великой поддержке с Неба и великой благодати, которую Бог распростёр к такому несчастному, как я.

Мои дорогие дети, вспоминайте о днях прежних, о летах веков древних, припоминайте также песни ваши в ночи и беседуйте с вашим собственным сердцем (Пс. 76:6-13). Более того, посмотрите старательно и не оставляйте ни одного угла внутри не исследованным, потому что там спрятано сокровище, а точнее, сокровище вашего первого и второго переживания благодати Божией к вам. Помните, как я сказал, слова, которые первыми легли вам на сердце; помните угрызения вашей совести и страх смерти и ада; помните также ваши слёзы и молитвы Богу; более того, как вы вздыхали о милости под каждой изгородью. Неужели у вас никогда не было горы Цоар, чтобы вспоминать? Неужели вы забыли дворик, доильню, стойло, амбар и тому подобное, где Бог посетил вашу душу? Помните также слова — слова, я повторю, которыми Господь призвал вас к надежде. Если вы согрешили против света, если вы подверглись искушению богохульства, если вы впали в отчаянье, если вы думаете, что Бог сражается против вас, или если Небо сокрыто от ваших глаз, помните, так же было и с вашим отцом, но от всего этого избавил меня Господь.

Я мог бы распространиться больше в этом рассказе о своих искушениях и неприятностях за грехи, также как и о милосердной доброте и работе Божией над моей душой. Я мог бы выбрать более высокий стиль, чем тот, в котором я здесь изложил, и мог бы украсить всё более, чем я это сделал здесь, но я не осмеливаюсь. Бог не играл со мной, убеждая меня в греховности, дьявол не играл, искушая меня, также и я не играл, когда проваливался в бездонную пропасть, когда муки ада охватывали меня; поэтому и я не могу играть в моём отношении к ним, но быть понятным и простым и изложить вещи, как они были. Кому это понравится, пусть примет это, а кому — нет, пусть напишет лучше. Прощайте.

Мои дорогие дети, молоко и мёд за этой пустыней. Да будет Бог милостив к вам, и дарует, чтобы вы не были ленивы, дабы пойти и овладеть землёй.

~ ДЖОН БУНЬЯН

БЛАГОДАТЬ, ИЗОБИЛЮЮЩАЯ К ПЕРВОМУ ИЗ ГРЕШНИКОВ

1. В этом моём повествовании о милосердной работе Божией над моей душой не будет несвоевременным в первую очередь в нескольких словах коснуться моего происхождения и воспитания, чтобы таким образом благодать и щедрость Божья ко мне могла быть более видна и возвеличена перед сынами человеческими.

2. Ибо моё происхождение, как это хорошо известно многим, было из низкого и незначительного рода. Семья моего отца относилось к тому классу, который был самым простым и презренным среди всех семейств страны. Поэтому я не могу, как другие, похвастаться благородной кровью или высокородным положением, по плоти. Тем не менее, приняв всё во внимание, я восхваляю Его небесное Величество за то, что таким путём Он привёл меня в этот мир принять участие в благодати и жизни, которая во Христе через Евангелие.

3. Но всё же, не смотря на простоту и незначительность моих родителей, Богу было угодно вложить в их сердца отвести меня в школу учиться и читать, и писать, чего я и достиг соответственно уровню других детей бедных родителей; хотя к моему стыду признаюсь, что я вскоре утратил то малое, чему научился, почти что совершенно, и это задолго до того, как Господь начал Свою благодатную работу по обращению моей души.

4. Что касается моей жизни в то время, когда я был безбожником в мире, она в самом деле проходила по обычаю мира сего и «духа, действующего ныне в сынах противления» (Еф. 2:2,3). Вот что являлось моим наслаждением — быть «уловленным дьяволом в его волю» (2 Тим. 2:26). Будучи наполнен всякой неправдой, которая к тому же так сильно действовала и проявляла себя и в моём сердце, и в жизни, и так с детства, что я имел лишь немногих равных (особенно учитывая незрелость моих нежных лет) в сквернословии, богохульстве, лжи и поношении святого имени Божьего.

5. Более того, я был настолько устоявшимся и укоренённым в этих вещах, что они стали моей второй натурой. Это, как я трезво расценил в последствии, настолько оскорбляло Господа, что даже в детстве Он пугал и страшал меня снами, полными страха и ужасал меня

страшными видениями. Часто, после того, как я провёл тот или иной день в грехе, в своей постели во время сна я сильно страдал, тревожимый бесами и злыми духами, которые, как я тогда думал, пытались утащить меня с собой, от чего я никогда не мог избавиться.

6. В те годы я также сильно страдал и был обеспокоен мыслями о дне суда, и днём и ночью, и дрожал от мыслей о страшных мучениях в адском огне, постоянно боясь, что моей участью будет оказаться наконец среди тех бесов и адских злодеев, которые там связаны цепями и узами вечного мрака «на суд великого дня».

7. Эти вещи, как я сказал, когда я был всего лишь ребёнком только девяти или десяти лет, причиняли такое страдание моей душе, что посреди многих забав и детской возни среди моих пустых товарищей я был повергаем в сильное уныние и страдал в душе, но я всё же не мог оставить своих грехов. Более того, тогда я также настолько потерял надежду на Жизнь и Небо, что часто желал, чтобы либо не было никакого ада, либо я был бы дьяволом, полагая, что они — только мучители; что если мне придётся идти туда, я бы лучше был мучителем, чем мучим сам.

8. Некоторое время спустя эти ужасные сновидения оставили меня, и я вскоре о них забыл, ибо мои развлечения быстро затмили само воспоминание о них, как будто их никогда и не было. Поэтому с ещё большей жадностью, соответственно силе натуры, я отпустил поводья своих похотей, и наслаждался во всех преступлениях против закона Божьего. Так что к моменту моей женитьбы, я был главным предводителем всей молодёжи, которая составляла мою компанию, во всех видах порока и нечестия.

9. Более того, такое господство имели похоти и дела плоти над моей душой, что если бы не чудесное вмешательство драгоценной благодати, я бы не только погиб под ударом вечного Суда, но также подвёл бы себя даже под удар тех законов, которые приводят некоторых к бесчестию и явному позору перед лицом мира.

10. В те дни, мысли о религии были для меня очень мучительны. Я не мог их переносить ни сам в себе, ни в ком другом. Когда я видел кого-то, читающего книги по Христианскому благочестию, это было наподобие тюрьмы для меня. Тогда я говорил Богу: «Отойди от меня;

не хочу знать путей твоих» (Иов 21:14). Всякое здоровое суждение покинуло меня тогда, небеса и ад находились за пределами поля зрения моего ума; и что касается спасения или гибели, – это меня волновало меньше всего. О, Господи, Ты знаешь мою жизнь, и пути мои не скрыты от Тебя.

11. И вот ещё что мне хорошо помнится: хотя сам я мог грешить с превеликим наслаждением и лёгкостью, и также получал удовольствие от выходок моих товарищей, всё же, даже тогда, если я когда-либо видел злые поступки, совершаемые теми, кто изображал благочестие, это заставляло мой дух содрогаться. Как однажды особенно, когда я был на пике своей суетности, однако, слушая одного, кто считался за религиозного человека, сквернословящим, это возымело такое действие на мой дух, что заставило почувствовать боль в сердце.

12. Но Бог не в конец оставил меня, а всё ещё присматривал за мной, но теперь не убеждением в греховности, а судами, которые всё же были разбавлены милостью. Так однажды я свалился в морскую бухту и едва не утонул. Другой раз я выпал из лодки в реку Бедфорд, но милость снова сохранила меня в живых. Кроме того, в другой раз я шёл по полю с одним своим товарищем, и случилось, что гадюка переползала дорогу; и я палкой, имевшейся у меня в руке, ударил её поперёк спины, и оглушив её, с усилием открыл её пасть своей палкой, и выдернул её жало своими пальцами, и тогда, не будь Бог милостив, я мог бы этим безрассудством приблизить свой конец.

13. Ещё один случай я вспоминаю с благодарением. Когда я был солдатом, вместе с другими я был привлечён идти на осаду одного города; но когда я уже был готов выступить, кто-то из нашей роты пожелал идти вместо меня, и когда я согласился, он занял моё место, и придя туда, когда он стоял на часах, он был застрелен в голову мушкетной пулей, и умер.

14. Это, как я сказал, были суды с милостью, но ни один из них не пробудил моей души к праведности, поэтому я всё ещё грешил, и становился всё более и более мятежным по отношению к Богу и не заботился о своём собственном спасении.

15. Вскоре после этого моё положение переменялось на женатое, и к своему счастью я нашёл жену, чей отец считался благочестивым человеком. Эта женщина и я, поскольку мы сошлись такими бедными, какими только можно быть, имели не так много домашней утвари, как например, одна тарелка или ложка на двоих, однако у неё с её стороны были «Простой путь человека к Небесам» и «Практическое благочестие», которые после смерти оставил ей отец. Эти две книги я иногда читал с ней, в них я к тому же находил некоторые вещи, которые были мне чем-то приятны, но всё это время я не испытывал никакого сознания греховности. Она также часто рассказывала мне, каким благочестивым человеком был её отец, и как он порицал и исправлял порок и в своём доме, и среди соседей, какую строгую и святую жизнь он прожил и в слове, и в деле.

16. По этой причине те книги, при таком родстве, хотя и не достигли моего сердца, чтобы пробудить его от печального и грешного состояния, всё же зародили во мне некоторую склонность к религии; так что, не зная ничего лучшего, я очень охотно впал в религию того времени, а именно, стал ходить в церковь дважды в день, и к тому же среди первых; и делал это очень преданно, и говорил и пел, как и остальные, всё ещё продолжая свою порочную жизнь; и к тому же я был так одержим духом суеверия, что с большой увлечённостью обожал даже всю утварь, и алтарь, и священника, и клир, и ризы, и службу, и всё, что принад-

лежит к церкви, считая всё, содержащееся там святым, а священника и клир — самыми счастливыми и, без сомнения, очень благословенными, потому что они были слугами, как я тогда думал, Бога, и были начальниками в святом храме, чтобы делать там Егороботу.

17. Эта идея так завладела моим духом в короткое время, что едва завидев священника, хотя бы самого жалкого и развратного в своей жизни, я обнаруживал свой дух повергающимся перед ним, почитающим его и прилепляющимся к нему; да, я думал, что из-за любви, каковую я испытывал по отношению к ним, полагая, что они были служителями Божьими, я мог бы лечь под их ноги и быть попираем ими; их звание, их одеяние и служба так опьяняли и очаровывали меня.

18. После того, как я пребывал в таком состоянии довольно продолжительное время, другая мысль пришла мне на ум; вот она: не были ли мы Израильтянами? Ибо найдя в Писании, что однажды они считались особенным народом Божьим, я подумал, если бы я был из этого народа, моя душа непременно бы стала счастлива. Тогда я обнаружил в себе сильную жажду разрешить этот вопрос, но не знал, как это сделать. Наконец, я спросил своего отца об этом, и он сказал мне, что мы ими не являлись. Поэтому я пал духом, что касается этой надежды, и так оставался.

19. Но всё это время я не понимал опасности и вреда греха; я был удерживаем от того, чтобы считать, что грех осудит меня, какой бы религии я ни следовал, если я не буду найден во Христе. Нет, я никогда не думал о Нём, существовал ли Он или нет. Таким образом человек, будучи слеп, блуждает, только лишь утомляя себя суетой, потому что он не знает пути в город Божий (Эккл 10:15).

20. Но однажды, среди прочих проповедей, произнесённых нашим священником, его предметом было соблюдение дня Господнего и недопустимость его нарушения либо работой, увеселениями, либо чем другим. В то время, не смотря на свою религиозность, я был тем, кто получал наслаждение от всех видов порока, и особенно я утешал себя им в этот день, поэтому моя совесть была уязвлена его проповедью, и я думал и верил, что он произнёс эту проповедь нарочно, чтобы указать на мои злые дела; и в тот раз я испытал чувство вины как никогда

раньше, насколько могу вспомнить; но тогда я был им чрезвычайно обременён, и так шёл домой после окончания проповеди с великой тяжестью на душе.

21. На тот момент это притупило стремление к моим любимым наслаждениям и сделало для меня горькими мои прежние удовольствия; но это не продолжалось долго; потому что не успел я хорошо пообедать, как тревога стала покидать мой разум, и моё сердце вернулось к прежнему курсу: ох, как я был рад, что эта тревога меня оставила, и огонь был потушен, чтобы я снова мог безостановочно грешить! Поэтому когда я удовлетворил свой организм пищей, я вытряхнул ту проповедь из своей головы, и к своим старым обычным развлечениям и азартным играм я вернулся с великим удовольствием.

22. Но в тот же самый день, во время игры в кошку, ударив её один раз от лунки, когда я был уже готов ударить во второй раз, вдруг голос с неба стрелой примчался в мою душу и сказал: «Оставишь ли ты свои грехи и пойдёшь на Небеса, или продолжишь грешить и будешь ввергнут в ад?» Тут я оказался в чрезвычайном замешательстве; поэтому, оставив свою кошку на земле, я посмотрел на небо, и было, как если бы я глазами своего разума увидел Господа Иисуса, смотрящего вниз на меня, очень раздражённого и недовольного мною, и как если бы Он строго грозил

мне каким-то ужасным наказанием за те или иные мои нечестивые дела.

23. Не успел я постичь это своим разумом, как внезапно мои мысли устремились к заключению (ибо предшествовавший намёк снова напомнил мне о моих грехах), что я был великим и горьким грешником, и что мне уже слишком поздно искать Небес; ибо Христос не простит меня, нет прощения моим проступкам. Тогда я задумался и над этим; и пока я об этом думал, опасаясь, что это на самом деле так, я почувствовал, как моё сердце погружается в отчаяние, соглашаясь, что слишком поздно; и поэтому я решил в своём разуме, что продолжу грешить; ибо, думал я, если дело обстоит так, - моё положение, конечно, печальное; печальное, и если я оставлю свои грехи, также печальное, если я буду их держаться; я могу быть только осуждён, и если мне так суждено, я лучше буду осуждён за многие грехи, чем за немногие.

24. Так я и застыл посреди своей игры перед всеми, кто тогда присутствовал; однако, ничего им не рассказал: только, сделав это умозаключение, я снова отчаянно вернулся к своей игре; и я хорошо помню, как вскоре такого рода отчаяние так завладело моей душой, что я был убеждён: я никогда не смогу достичь иного утешения, кроме того, которое я получу в грехе; ибо Небеса уже закрыты, так что мне об этом нечего и думать; поэтому я обнаружил в себе огромное желание насытиться грехом, по-прежнему размышляя какой бы грех совершить, чтобы вкусить его сладость; и поспешил, насколько мог, насытить своё чрево его деликатесами, чтобы не умереть прежде, чем исполню своё желание; ибо этого я сильно боялся. Обо всех этих вещах — я торжественно заявляю пред Богом — не лгу, и не выдумываю такую манеру речи; это были, действительно, решительно и от всего моего сердца, мои желания. Господи благий, чья милость непостижима, прости мне мои проступки.

25. И я совершенно уверен, что это искушение дьявола — более распространено среди бедных созданий, чем многие осознают, для того, чтобы наводнить их дух испорченным и ожесточённым состоянием сердца, притупляя совесть; каковое сердце он тихой сапой наполняет таким отчаянием, что хотя в душе присутствует и не много чувства вины, однако они постоянно носят глубоко в себе

умозаключение, что для них нет никаких надежд; ибо они «полюбили чужих и будут ходить вслед их» (Иер. 2:25; 18:12).

26. Поэтому в то время я продолжал грешить с великой жадностью души, к тому же испытывая недовольство, что я не мог быть удовлетворён настолько, насколько я бы хотел. Так со мной продолжалось около месяца или более; но в один из дней, когда я стоял у соседской витрины, ругаясь и сквернословя, и разыгрывая безумца в моей обычной манере, внутри сидела женщина из этого дома, и услышав меня, хотя она сама была очень распущенной и нечестивой негодницей, всё же возмутилась, что я ругался и сквернословил самым ужасным образом, так что это заставило её содрогнуться, слушая меня; и сказала мне потом, что я был самым нечестивым парнем, что касается сквернословия, какого она когда-либо в своей жизни слышала; и что я, так поступая, был способен испортить всё молодёжь в целом городе, если только они попадут в мою компанию.

27. Это порицание меня утихомирило, и я втайне устыдился, и к тому же, как я подумал, перед Богом Небес; поэтому, пока я стоял там повесив голову, я желал всем своим сердцем, чтобы я снова мог стать маленьким ребёнком, чтобы мой отец мог научить меня говорить без этой злой привычки сквернословить; ибо, думалось мне, я настолько привычный к этому, что не стоит и думать об исправлении, потому что я думал, это невозможно.

28. Как это произошло, я не знаю, но с того раза и впредь я настолько избавился от сквернословия, что для меня было великим чудом наблюдать это; и если раньше я не знал, как заговорить, если не вставить сначала ругательство, и другое вослед, чтобы сделать свои слова весомыми; теперь я мог без этого говорить лучше и с большей приятностью, чем я мог когда-либо раньше. Всё это время я не знал Иисуса Христа, и не оставлял свои развлечения и игры.

29. Но вскоре после того я попал в компанию одного бедного человека, который исповедовал религию; кто, как я тогда думал, приятно говорил о Писании и на предмет религии; поэтому полюбив и расположившись к тому, что он говорил, я обратился к своей Библии и начал получать большое удовольствие от чтения, но в основном от исторической её части; ибо, что касается посланий Павла и Писаний

подобного рода, я не мог на них задержаться, ещё не понимая ни испорченности моей природы, ни необходимости и ценности Иисуса Христа для моего спасения.

30. По этой причине я занялся некоторым внешним исправлением, и в словах и в житии, и установил перед собой заповеди для своего пути на Небеса; каковые заповеди я к тому же старался соблюдать, и когда я иногда думал, что придерживался их довольно хорошо, тогда успокаивался; но время от времени нарушал одну и так уязвлял свою совесть; но затем я каялся, и говорил, что сожалею об этом, и обещал Богу в другой раз поступать лучше, и снова получал спасение, ибо тогда я думал, что угождал Богу также, как и любой человек в Англии.

31. Так продолжалось около года; всё это время наши соседи принимали меня за очень благочестивого человека, обновлённого и религиозного, и много удивлялись, видя такую великую и славную перемену в моей жизни и манерах; а так было и в самом деле, хотя я ещё не знал Христа, ни благодати, ни веры, ни надежды; и воистину, как я ясно увидел впоследствии, умри я тогда, моё положение было бы самым страшным; это продолжалось, как я сказал, около года или более.

32. Но, как я сказал, мои соседи были в восхищении от этого моего обращения от чудовищного богохульства к чему-то, подобному нравственной жизни; и, воистину, у них были причины; потому что это моё обращение было настолько великим, насколько для Тома из сумасшедшего дома вернуться в здравый рассудок. Поэтому теперь они начали меня хвалить и превозносить, и хорошо отзываться обо мне и в лицо, и за глаза. Теперь, как они говорили, я стал благочестивым человеком; теперь меня считали праведным и честным. О, когда я узнал о таких словах и мнениях обо мне, это было мне очень приятно. Поэтому, хотя я всё ещё был ни чем иным, как только бедным приукрашенным лицемером, всё же мне нравилось, когда обо мне говорили как об истинно благочестивом. Я гордился своей набожностью и делал всё, что я делал, или чтобы показаться перед людьми, или чтобы обо мне хорошо говорили. И таким образом я продолжал около года или более.

33. Теперь вы должны знать, что перед этим я находил большое удовольствие, звоня в колокола, но совесть моя становилась

чувствительной, я подумал, что такая практика была лишь суетой, и поэтому заставил себя оставить её, тогда как моё сердце страстно желало этого; поэтому я ходил на колокольню смотреть, хотя и не осмеливался звонить. Но я подумал, что это также не было религиозным, всё же я заставлял себя и тихо смотрел; но вскоре я стал думать: «А что, если один из колоколов упадёт?» Тогда я перебрался под главную балку, которая лежала поперёк часовни от одной стороны до другой, думая, что так я мог стоять вне опасности, но затем я снова подумал: упали колокол при раскачивании, он мог сначала ударить стену, а затем отскочить в меня, мог убить меня и за этой балкой. Это заставляло меня стоять в дверном проёме колокольни; и теперь, думалось мне, я в достаточной безопасности; потому что если колокол упадёт, я смогу выскользнуть наружу за эти толстые стены и уцелею не смотря ни на что.

34. Итак, после этого я всё ещё ходил смотреть как звонят, но не заходил дальше двери колокольни; но потом мне пришло в голову: «А что если сама колокольня упадёт?» И эта мысль (она могла, насколько мне известно) когда я стоял и смотрел на неё, постоянно так волновала мой разум, что я не осмеливался больше стоять в дверях колокольни и был вынужден спасаться бегством из страха, что колокольня упадёт на мою голову.

35. Другим обстоятельством были мои танцы; ещё целый год я не мог полностью оставить это; но всё это время, когда я думал,

что выдержал ту или иную заповедь или сделал, словом или делом, что-то по моему мнению доброе, я чувствовал великий мир в своей совести; и думал в себе, что у Бога нет другого выбора, кроме как быть теперь мной довольным; более того (чтобы рассказать это в моей собственной манере), я думал, что ни один человек в Англии не мог бы угодить Богу больше, чем я.

36. Каким беднягой я был, всё это время я не знал Иисуса Христа, и расхаживал, поставляя свою собственную праведность; и погиб бы в ней, не покажи мне Бог по милости, больше о моём истинном состоянии.

37. Но однажды благое Божье провидение отправило меня в Бедфорд работать по моей профессии; и на одной из улиц этого города я набрёл на место, где у двери на солнышке сидели три или четыре бедные женщины и говорили о Божьих делах; и желая теперь послушать их беседу, я подошёл поближе, чтобы послушать, о чём они говорили, потому что я сам теперь был живым участником в разговорах на предмет религии, но тут я могу сказать, я слышал, но не понимал; ибо они были значительно выше, за пределами моего понимания, ибо их разговор было новым рождением, работе Божьей в их сердцах, также

как они осознали жалкое состояние своей природы; они рассказывали, как Бог посетил их души Своей любовью в Господе Иисусе, и какими

словами и обетованиями они были оживлены, утешены и подкреплены против искушений дьявола. Более того, они рассуждали об оболичениях и искушениях Сатаны в частностях, и рассказывали друг другу, от каких они пострадали, и как они стойко выдерживали его нападения. Они также обсуждали негодность их собственных сердец, своё неверие; и презирали, пренебрегали и ненавидели свою собственную праведность, как грязную и недостаточную, чтобы принести им какое-либо добро.

38. И, мне казалось, они говорили так, как будто радость заставляла их говорить; они говорили с такой приятностью языка Писания, и с таким проявлением благодати во всём, что говорили, что они были для меня как бы открывшими новый мир, как если бы они были людьми, живущими отдельно, и между соседями не числились (Чис. 23:9).

39. И тут я почувствовал, как моё сердце затрепетало подозревая, что моё состояние было ничтожным; ибо я увидел, что во всех моих мыслях о религии и спасении новое рождение никогда и не мелькало, так же не знал я ни утешения Слова и обетования, ни об обманчивости и неверности моего собственного злого сердца. Что касается тайных мыслей, я не придавал им никакого значения; также я не понимал, какими были искушения Сатаны, или как им следовало противостоять и оказывать сопротивление и т. д.

40. Поэтому, когда я услышал и сообразил, о чём они говорили, я оставил их и снова пошёл по своей работе, но их разговор и рассуждения пошли со мной; а моё сердце задержалось с ними, ибо я был чрезвычайно взволнован их словами, и потому что ими я был убеждён, что нуждаюсь в истинных знаках истинно благочестивого человека, и потому что ими я был убеждён в счастье и благословенном состоянии того, кто являлся таковым.

41. Поэтому я взял за правило снова и снова приходить в компанию этих бедных людей, ибо я не мог оставаться в стороне; и чем больше я бывал среди них, тем больше подвергал сомнению своё состояние. И как я ещё помню, вскоре я обнаружил в себе две вещи, которым я временами удивлялся, особенно учитывая, каким слепым, невежественным, жалким и нечестивым негодяем я был только что; одна из них — глубокая мягкость и нежность сердца, заставлявшая

меня склоняться под убеждением того, что они доказывали Писанием; и другая — большая склонность моего ума к постоянному размышлению об этом и обо всех других благих вещах, о которых я в любое время слышал или читал.

42. На этих вещах мой разум был настолько сосредоточен, что лежал подобно лошадиной пивке на вене, всё ещё кричащей: «давай, давай» (Прит. 30:15); да, он был сосредоточен на вечности, и на фактах о Царствии Небесном, конечно, насколько я знал, хотя пока ещё, Бог знает, я знал только немного; что ни развлечения, ни нажива, ни уговоры, ни угрозы не могли ослабить этого, или заставить отпустить хватку; и хотя я могу говорить это стыдясь, всё же это несомненная правда, для меня тогда было настолько же трудно опустить мой разум с Небес на землю, насколько и поднять его снова с земли к Небесам, как обнаруживал я часто с тех пор.

43. Одно обстоятельство я не могу пропустить: в нашем городе был один молодой человек, к которому моё сердце было привязано больше, чем к кому-либо другому, но он был самым испорченным из-за брани и сквернословия, и распутства; теперь я избавился от него и оставил его компанию; но примерно месяца через три после того, как я оставил его, я встретил его на одной тропинке и спросил его, как он поживает; он сквернословя и в своей буйно весёлой манере ответил, что хорошо. «Но, Гарри, - сказал я, - почему ты так ругаешься и бранишься? Что станет с тобой, если ты умрёшь в этом состоянии?» Он ответил мне в сильном раздражении: «Что за компанию сколотил бы дьявол, если бы у него не было такого как я?»

44. Примерно в это время мне попались некоторые книги рантеров, которые были в обращении у некоторых из наших земляков, каковые книги были также высоко оценены несколькими старыми верующими; некоторые из них я прочитал, но не смог вынести суждения о них; поэтому когда я читал их и думал о прочитанном, чувствуя себя неспособным рассудить, я прибегал к сердечной молитве в таком духе: «Господи, не оставь меня в моей собственной неспособности либо одобрить, либо осудить это вероучение; если оно от Бога, не позволь мне презреть его, если оно от дьявола, не позволь мне принять его. Господи, я кладу свою душу в этом вопросе только к Твоим ногам; не позволь мне быть обманутым, я смиренно умоляю

Тебя». Всё это время у меня был один близкий товарищ по религии, и им был тот бедный человек, о котором я упоминал раньше, но примерно в это время он также превратился в самого дьявольского рантера и предался всякого рода мерзостям, особенно разврату; он также отрицал, что есть Бог, ангел или дух; и смеялся над всеми увещаниями к разуму. Когда я пробовал упрекнуть его за нечестие, он смеялся ещё громче и прикидывался, что прошёл через все религии и не мог до сих пор найти правильную. Он также сказал мне, что скоро мы увидим, как все верующие обратятся к путям рантеров. Поэтому питая отвращение к тому проклятому вероучению, я немедленно оставил его компанию и стал ему таким же чужаком, как прежде был знакомым.

45. Не только этот человек был искушением для меня; но когда по работе путь мой лежал в деревню, мне случилось наткнуться на компанию нескольких людей, которые хотя прежде и не допускали отклонений в религии, также были увлечены этими рантерами. Они также рассказывали мне о своих путях и осуждали меня как тёмного законника; претендуя, что только они достигли совершенства и могли делать, что хотели и не согрешать при этом. О! эти искушения были подходящими для моей плоти; я был всего лишь молодым человеком в расцвете сил; но Бог, Который, надеюсь, предназначил меня для лучшего, хранил меня в страхе Своего имени, и не потерпел, чтобы я принял такое вероучение. И да будет благословен Бог, Который вложил в моё сердце воззвать к Нему, прося хранить и направлять, всё ещё не полагаясь на свою собственную мудрость; ибо я с тех пор увидел результат той молитвы в сохранении меня не только от ошибок этих рантеров, но также и тех, кто возникал в последствии. Библия была для меня драгоценна в те дни.

46. И теперь, мне казалось, я начал смотреть в Библию новыми глазами, и читать так, как не читал никогда раньше; и особенно послания Апостола Павла были милы и приятны мне; и, действительно, в то время я никогда не оставался без Библии, либо читая, либо размышляя; по-прежнему взывая к Богу, чтобы я мог узнать истину и путь на Небеса, и славу.

47. И продолжая чтение, я наткнулся на одно место: «Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом;

иному вера» (1Кор.12:8,9). И хотя, как я в последствии понял, в этом писании Святой Дух имеет в виду прежде всего вещи сверхъестественные, однако во мне это тогда связывалось с убеждением, что мне не доставало вещей естественных, таких как понимание и мудрость, которые другие Христиане имели. Я задумался над этими словами и не знал что делать, особенно слово «вера» ставило меня в тупик, ибо я ничего не мог поделать, только иногда задавался вопросом, имел ли я веру, или нет; но я не склонялся к заключению, что не имею никакой веры; ибо если я так сделаю, думал я, то вообще сочту себя самым отверженным человеком.

48. Нет, сказал я себе, хотя я убеждён, что являюсь невежественным пьяницей, и мне не достаёт тех благословенных даров знания и понимания, которые другие добрые люди имеют; всё же, наудачу, я сделаю заключение, что я не совсем безверный, хотя я не знаю, что такое вера. Ибо мне было показано, и к тому же (как я в последствие понял) Сатаной, что те, которые сами себя заключили в неверующее состояние, не имели ни мира, ни покоя в своих душах; и я был не склонен впасть в полное отчаяние.

49. Поэтому этим предположением я принуждался некоторое время бояться заметить в себе недостачу веры; но Бог не потерпел, чтобы я таким образом погубил и разрушил свою душу, но постоянно, противодействуя моему печальному и слепому умозаключению, возбуждал по-прежнему во мне такие вопросы для того, чтобы я не мог на этом успокаиваться, пока не приду к верному знанию, имею ли я веру или нет. Вот что всегда звучало в моём разуме: «Но что, если у тебя и в самом деле нет веры? Но как ты можешь знать, что имеешь веру?» И кроме того я несомненно понимал, если не имел, я, конечно, должен погибнуть навеки.

50. Так что, хотя, в начале я вознамерился не обращать внимание на действие веры, всё же вскоре, получше рассудив о предмете, я захотел испытать себя, имел ли я веру или нет. Но увы, бедняга, таким невежественным и глупым я был, что и сегодня знаю, как это сделать не больше, чем знаю, как начать и кончить ту превосходную и искусную картину, которую я ещё не видел и не разглядывал.

51. Поэтому когда я таким образом рассуждал и готовился к решительному шагу для этого (ибо вы должны знать, что я сломал

себе голову как никто другой до настоящего времени) искуситель приступил со своим обманом, что нет другого способа узнать, есть ли у меня вера, кроме как попытаться совершить чудо: подстрекая теми писаниями, которые, казалось, выглядят подобным образом, для усиления и укрепления своего искушения. Более того, однажды, когда я был между Эльстоу и Бедфордом, во мне оживилось искушение испытать, имею ли я веру, сотворением определённого чуда; коим чудом в тот раз было вот что: я должен был сказать лужицам, стоявшим в ямках от лошадиных копыт: «Будьте сухими», а сухим местам: «Станьте лужами». И, воистину, один раз я уже собрался сказать это на самом деле; но когда я был готов заговорить, следующая мысль пришла мне на ум: «Но иди вон туда под изгородь и помолись сначала, чтобы Бог сделал тебя способным на это». Но когда я закончил молиться, свежая мысль пришла ко мне; что если я помолился, и снова пришёл бы и попытался сделать это, и однако ничего не сделал, тогда убедился бы, что не имею веры, но являюсь отверженным и потеряннным; нет, если это так, я пока не буду пытаться, но ещё немного подожду.

52. Так я и оставался в глубоком недоумении; ибо я думал, если веру имели только те, кто мог делать такие чудесные вещи, тогда я заключил, что теперь я её не имел, и не похоже было, что в будущем буду её иметь. Таким образом меня бросало между дьяволом и моим собственным невежеством, и я так запутался, а временами особенно, что не знал, что и делать.

53. Примерно в это время состояние и блаженство этих бедных людей в Бедфорде было представлено мне во сне или видении таким образом; я увидел, будто они сидели на солнечном склоне некой высокой горы, подкрепляя себя приятными солнечными лучами, в то время как я дрожал и ёжился на холоде, страдал от мороза, снега и тёмных облаков. Мне казалось также, между ними и мной я увидел стену, окружавшую эту гору; через эту стену моя душа теперь сильно желала перебраться, заключая, что если бы я сумел, я бы вошёл в самую середину их и там тоже утешался теплом их солнца.

54. Я подумал, что буду ходить около этой горы снова и снова, высматривая, когда пойду, не смогу ли найти какой-нибудь путь или проход, которым я бы мог войти туда: но некоторое время не мог

найти никакого; наконец, я увидел как будто бы узкую брешь, как маленький дверной проём в стене, через который я попытался пройти. Но проход был очень тесный и узкий, я сделал много попыток, чтобы попасть внутрь, но всё напрасно, даже почти пробился, стараясь попасть внутрь; наконец, с большим усилием, мне показалось, я впервые просунул внутрь свою голову, и после этого боком — свои плечи, и всё тело; тогда я чрезвычайно обрадовался и пошёл, и сел среди них, и был так утешен светом и теплом их солнца.

55. Тогда эта гора и стена и т. д. были поняты мной таким образом: гора означала церковь живого Бога; солнце, льющее на неё свет — утешающее сияние Его милостивого лица на тех, кто внутри; стена, как я подумал, была Словом, которое делало разделение между Христианами и миром; и брешь, имевшаяся в стене, я подумал, была Иисусом Христом, который есть путь к Богу Отцу (Инн 14:6; Мф 7:14). Но поскольку проход был удивительно узким, даже настолько узким, что я мог только с великим затруднением войти туда, это показало мне, что никто не мог войти в жизнь, кроме тех, которые были совершенно искренними, и если они оставили этот грешный мир позади; ибо здесь было место только для тела и души, но не для тела, души и греха.

56. Это подобие пребывало на моём духе много дней; и всё это время я видел себя в несчастном и печальном состоянии, но испытывал неистовый голод и желание быть одним из числа сидящих на солнышке. В то время также я молился, где бы ни был, в доме ли, или вне, в здании или на поле, и также часто, вознося своё сердце, пел пятидесятый Псалом: «О, Господи, воззри на страдание моё», ибо я ещё не знал, где находился.

57. Я всё ещё не мог достичь какого-либо утешительного подтверждения, что я имею веру во Христа; только вместо того, чтобы убедиться, я начал замечать, что на мою душу нападают новые сомнения относительно моего будущего блаженства; в особенности такие: был ли я избранным? А что, если день благодати уже прошёл и закончился?

58. Эти два искушения очень сильно беспокоили и тревожили меня; иногда одно, а иногда другое из них. И во-первых, говоря о сомнении в моём избрании, я обнаружил в то время, что хотя я и находился в пылу

поисков пути к Небесам и славе, и хотя ничто не могло сбить меня с этого пути, однако этот вопрос так раздражал и обескураживал меня, что я чувствовал, особенно временами, как будто сама крепость моего тела была отнята его влиянием и силой. Следующее писание также, казалось мне, растапывало все мои желания: «Итак, не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего» (Рим 9:16).

59. С этим писанием я не знал, что и делать; ибо я явно видел, что если бы великий Бог в Своей бесконечной благодати и щедрости не благоволил избрать меня сосудом милосердия, хотя бы я желал, и жаждал, и трудился, пока моё сердце не разорвётся, ничего хорошего не могло бы выйти из этого. Поэтому от меня не отставал вопрос: «Как ты можешь знать, что ты избран? А что если не так? Что тогда?»

60. О Господи, думал я, что если я в самом деле не из избранных? «Может быть, что и нет», – говорил искушитель. «На самом деле может быть так», – думал я. «Ну тогда, – сказал Сатана — тебе бы лучше отступить, и не пытаться дальше; ибо если в самом деле ты не был избран и выбран Богом, не может быть и речи, чтоб тебе спастись; ибо «не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего»».

61. Этими вещами я был заведён в тупик, не зная, что сказать, или как ответить на эти искушения (на самом деле, я и не думал, что таким образом на меня нападал Сатана, но что это скорее моё собственное здравомыслие таким образом ставило вопрос); ибо только избранные достигают вечной жизни, к которой я, без сомнения, усердно стремился; но то, что я был одним из них, было под вопросом.

62. Таким образом в течение нескольких дней я был сильно атакован и запутан; и часто идя пешком, я был готов провалиться, где шёл, теряя самообладание; но однажды после того, как я так много недель был этим угнетён и повергнут в уныние, когда почти потерял мои последние надежды когда-либо достичь Жизни, следующее изречение весомо легло мне на сердце: «Взгляните на древние роды и посмотрите: кто верил Господу — и был постыжён?»

63. Им я был сильно просвещён и ободрён в душе; ибо таким образом в тот самый момент мне было разъяснено: «Начни с начала Бытия, и читай до конца Откровения, и посмотри, сможешь ли найти, что был когда-либо кто-нибудь, надеявшийся на Господа и

постыжённый». Итак, придя домой, я сейчас же пошёл к своей Библии посмотреть, смогу ли я найти это высказывание, не сомневаясь, что вскоре его найду; ибо оно было таким свежим, и с такой силой и утешением пребывало в моём духе, что я чувствовал, будто оно разговаривало со мной.

64. Итак, я посмотрел, но не нашёл его; однако, оно не оставляло меня; тогда я спросил сперва одного доброго человека, затем другого, не знали ли они, где оно находилось, но они не знали такого места. На это я удивлялся, что такое изречение так внезапно и с таким утешением и силой охватило меня и осталось пребывать на моём сердце, но никто не мог найти его, ибо я не сомневался, что оно было в Святом Писании.

65. Так я продолжал более года, и не мог найти это место; но, наконец, заглянув в апокрифические книги, я нашёл его в Экклезиасте [В Синодальном переводе: Сирах 3:10 — переводчик]. Это сначала обескуражило меня; но поскольку к этому времени у меня было больше переживания любви и доброты Божией, это беспокоило меня меньше; особенно, когда я рассудил, что хотя оно находилось не в тех текстах, которые мы называем святыми и каноническими, всё же, поскольку это изречение было сущностью и содержанием многих обетований, моим долгом было принять утешение от него; и я благословляю Бога за то слово, ибо оно было ко мне от Бога. То слово всё ещё порой сияет перед моим взором.

66. После этого другое сомнение с силой нашло на меня: «А что, если день благодати прошёл и закончился? Что, если ты пропустил время милости?» Помню, однажды, когда я шёл в деревню, я был поглощён этими мыслями: «А что, если день благодати прошёл?» И чтобы увеличить моё беспокойство, искуситель указал мне на тех добрых людей в Бедфорде, и внушил мне так: что они уже обращённые, и это все, кого Бог спас в тех краях; и что я пришёл слишком поздно, ибо эти получили благословение до того, как я пришёл.

67. Тогда я был в глубоком страдании, действительно думая, что вполне могло быть так; поэтому я ходил взад-вперёд, оплакивая своё печальное состояние, считая себя намного хуже, чем тысяча глупцов за то, что стоял так долго вне и потратил так много лет на грех, как я и

сделал, всё ещё взывая: «О, если бы я обратился раньше! О, если бы я обратился семь лет назад!» Это заставляло меня злиться на себя из-за мыслей, что моего ума хватило только на то, чтобы потратить своё время понапрасну, пока моя душа и Небеса не были потеряны.

68. Но когда я уже долго находился под этим страхом и был неспособен предпринять ещё один шаг, почти на том же месте, где я получил другое своё ободрение, в мой разум ворвались следующие слова: «Убеди придти, чтобы наполнился дом мой; и еще есть место» (Лук. 14:22,23). Те слова, а особенно эти: «и ещё есть место», были сладки моему сердцу; ибо я воистину подумал, что через них я увидел, что для меня достаточно места на Небесах; и более того, что когда Господь Иисус говорил эти слова, Он тогда думал обо мне, и что Он, зная, что придёт время, когда я буду страдать от страха, что для меня не осталось места у Его груди, прежде сказал это слово и оставил его в записи, чтобы я мог найти в нём помощь против подлого искушения. В это я тогда воистину верил.

69. В свете и ободрении этих слов я ходил немалое время; и утешение становилось ещё большим, когда я думал, что Господь Иисус думал обо мне так давно, и что Он сказал те слова нарочно ради меня; ибо истинно я думал, что Он сказал их нарочно, для ободрения меня ими.

70. Но я не остался без своих искушений, которые вернулись снова; я сказал искушений, – и от Сатаны, и моего собственного сердца, и плотских знакомых. Но я благодарю Бога, их перевешивало то здоровое осознание смерти и дня суда, которое пребывало, так сказать, постоянно перед моим взором. Я часто думал также о Навуходоносоре, о котором сказано: «Он дал ему все царства земные» (Дан. 5:18,19). Ещё думал я, если этот великий человек имел весь свой удел в этом мире, один час в адском огне заставил его забыть всё. Эти размышления были мне великой помощью.

71. Примерно в это время мне было также дано увидеть кое-что касательно животных, которых Моисей считал чистыми и нечистыми: я подумал что те животные являлись образами людей; чистые — образ тех, кто были людьми Божьими; но нечистые — образы таких, как дети лукавого. Тогда я читал, что чистые животные жевали жвачку, то есть, думал я, они показывают нам, что мы должны питаться словом

Божьим; у них также разделены копыта. Я подумал, это означает, что мы должны отделиться, если мы были спасены, от путей нечестивых людей. И также, при дальнейшем чтении я нашёл, что хотя мы жуём жвачку как заяц, но если ходим на лапах, подобно собаке, или если у нас копыта разделены как у свиньи, но мы не жуём жвачку как овца, мы всё ещё, не смотря на это, являемся только нечистыми; ибо, я подумал, что заяц является образом тех, которые говорят о Слове, однако ходят на путях греха; а свинья подобна тому, кто отделился от своего наружного загрязнения, но всё ещё не имеет Слова веры, без которого не может быть никакого пути спасения. Пусть у человека никогда не будет такой набожности (Втор. 14). После этого я обнаружил, читая Слово, что те, которые должны прославиться со Христом в другом мире, должны быть призваны Им здесь; призваны к участию в Его слове и праведности, и к утешению и первым плодам Святого Духа, и к личной доле во всех тех небесных вещах, которые действительно приготавливают душу к тому Покою и Дому славы, который на Небесах слыше.

72. Тут я снова оказался перед великим препятствием, не зная, что делать, боясь, что я не был призван; ибо, думал я, если я не был призван, чего хорошего мне ждать? Никто, кроме тех, которые действительно призваны, не наследует Царствие небесное. О, как я полюбил те слова, говорившие о Христианском призвании! Как однажды Господь сказал одному: «Следуй за Мной», и другому: «Иди за мной»; о, думал я, вот бы Он сказал так и мне тоже, как радостно я бы побежал за Ним!

73. Я не смогу теперь выразить, с какой жадой и с какими воздыханиями в душе я умолял Христа призвать меня. Так я продолжал какое-то время в пылу желания быть обращённым к Иисусу Христу; и понял также в те дни, какая слава сопутствует обращённому состоянию, так что я не мог получить успокоения без участия в этом. Золото! Можно ли это достать за золото? Что бы я отдал за это? Имей я весь мир, – в десять тысяч раз дороже то, чтобы моя душа могла быть в обращённом состоянии.

74. Каким милым был теперь в моих глазах каждый, кто, как я думал, был обращённым мужчиной или женщиной. Они сияли, они ходили подобно людям, носящим на себе зримую печать Небес. О! Я

видел, что межи их прошли по прекрасным местам, и они имели приятное наследие (Пс. 15). Но то, что заставляло меня страдать, сказано о Христе в книге Святого Марка: «взошёл на гору и позвал к себе, кого Сам хотел, и пришли к Нему» (Мар. 3:13).

75. Это писание заставляло меня терять мужество и бояться, а также воспламеняло огонь в моей душе. Вот что заставляло меня бояться: что если Христос не имеет никакого расположения ко мне, ибо Он призывает, кого хочет. Но слава, которую я видел в том состоянии по-прежнему так занимала моё сердце, что редко я мог читать о любом, призванном Христом, без того, чтобы при этом не желать: был бы я на их месте, был бы я рождён Петром, был бы я рождён Иоанном, или был бы рядом и слышал Его, когда Он призывал их. Как бы я закричал: «О Господи, призови также и меня». Но уввы, я боялся, что Он не позвал бы меня.

76. И истинно, Господь попустил мне ходить таким образом много месяцев подряд и ничего мне не показывал, – ни что я уже был, ни что я должен быть призван в последствии. Но наконец, по прошествии долгого времени и после многих стенаний к Богу, чтобы я сделался участником святого и небесного звания, ко мне пришло следующее слово: «Я смою кровь их, которую не смыл еще, и Господь будет обитать на Сионе» (Иоил. 3:21). Эти слова, подумал я, были посланы, чтобы воодушевить меня по-прежнему ожидать от Бога, и означали для меня, что если я не был уже обращён, ещё может прийти время, когда я бы мог стать поистине обращённым ко Христу.

77. Примерно в это время я начал открывать свои мысли тем бедным людям в Бедфорде и рассказывать им о своём состоянии, о чём услышав, они рассказали обо мне мистеру Гиффорду, который сам также предпринял попытку поговорить со мной, и желал быть уверенным во мне, хотя, думаю, без веских оснований. Но он пригласил меня в свой дом, где я услышал, как он беседовал с другими о работе Божией над их душами, отчего я почувствовал ещё большее осуждение, и с этого времени начал замечать некое тщеславие и внутреннюю негодность моего злого сердца; ибо и до сих пор я не ведал там никакого возвышенного содержимого, но теперь это начало открываться мне с такой быстротой, как никогда раньше. Теперь я явно обнаружил, что похоти и нечистота выходили из меня сами, в

нечестивых мыслях и желаниях, которые я не замечал раньше; к тому же моё стремление к Небесам и Жизни начало ослабевать. Я нашёл также, что не смотря на то, что перед тем моя душа была полна сильного желания Бога, теперь она начала жаждать всякой пустой суеты. Более того, моё сердце не было побуждаемо к добрым намерениям; оно делалось беспечным и относительно души, и касательно Небес; оно теперь постоянно колебалось, и так во всякой обязанности, и было как деревянный башмак на ноге птицы, мешало мне взлететь.

78. Более того, думалось, я становлюсь теперь всё хуже и хуже; теперь я дальше от обращения, чем когда-либо раньше. По этой причине я начал сильно унывать в душе и начал испытывать такой упадок духа, который низводил меня до ада. Если бы тогда мне предстояло сгореть у столба, я бы не смог поверить, что Христос имел любовь ко мне. Увы, я не мог ни слышать Его, ни видеть Его, ни чувствовать Его, ни ощущать на вкус что-либо Его. Я был как бы унесённым бурей; моё сердце было нечистым, и Хананеи обитали на земле.

79. Иногда я рассказывал о своём состоянии людям Божьим, и когда они слышали, то жалели меня и рассказывали мне об обетованиях; но скажи они мне также, что я должен достать солнце своим пальцем, как они просили меня принять или довериться обетованиям, - я бы сделал это одинаково скоро. Весь мой разум и чувства были против меня, и я видел, что имел сердце, которое грешило и лежало под законом, который осуждал.

80. Эти вещи часто заставляют меня думать о ребёнке, которого отец привёл ко Христу, кто, пока ещё шёл к Нему, был повергнут бесами был так раздираем и разрываем им, что лежал и катался с пеной у рта (Лук. 9:42; Мар. 9:20).

81. Далее, в те дни я находил своё сердце затворенным пред Господом и Его святым словом. Я находил, что моё неверие подпёрло, так сказать, дверь плечом, чтобы держать Его вне; причём в то время, когда я со многими горькими вздохами кричал: «Благий Господь, открой его. Господи, сломай эти врата медные и сломи эти вереи железные» (Пс. 106:16). Однако, следующие слова иногда создавали в

моём сердце мирное затишье: «Я препоясал тебя, хотя ты не знал меня» (Ис. 45:5).

82. Но всё это время, что касается совершения грехов, я никогда не был более чувствительным, чем тогда: задние части моего тела находились внутри. Я не осмеливался взять гвоздь или палку, хотя бы маленькую, как соломина, ибо совесть моя теперь была болезненной и испытывала боль от каждого прикосновения. В то время я не знал, как говорить, ибо боялся, что перепутаю свои слова. О, как осторожно я тогда ходил, во всём, что я делал или говорил! Я ощущал себя как бы в топком болоте, которое взволнуется, если я только пошевелюсь, и был, когда там находился, оставлен и Богом, и Христом, и Духом, и всяким добром.

83. Но я заметил, хотя я и был до обращения таким великим грешником, всё же Бог никогда не возлагал на меня много вины за грехи моего неведения; Он только показывал мне, что я был потерян, если не имел Христа, потому что я был грешником. Я видел, что у меня не было совершенной праведности, чтобы мне предстать непорочным пред Богом; и эту праведность негде было найти, кроме как в личности Иисуса Христа.

84. Но моё первородное внутреннее осквернение, которое было моим бичом и страданием, которое я видел в ужасающих размерах, всегда само выступавшее из меня, из-за которого я имел чувство вины, к удивлению, являлось причиной того, что я был в своих собственных глазах отвратительнее жабы. И я думал, что таковым я был и в Божьих глазах. Грех и нечистота, как я сказал, так естественно били ключом из моего сердца, как вода из источника. Я думал тогда, что у каждого сердце было лучше, чем моё; я мог бы поменяться сердцем с любым. Я думал, что никто, кроме самого дьявола не мог бы сравниться со мной внутренней порочностью и испорченностью ума. Поэтому, при виде своей собственной низости, я впал в глубокое отчаяние, ибо я сделал вывод, что состояние, в котором я находился, не могло соответствовать состоянию благодати. Конечно, я думал, я предан дьяволу и превратному уму. И это продолжалось длительное время, даже в течение нескольких лет подряд.

85. В то время, когда я страдал от страха своего осуждения, две вещи заставляли меня удивляться. Первая, – когда я видел старых

людей охотящимися за вещами этой жизни, будто они должны были жить здесь всегда. Другая, – когда я обнаруживал верующих сильно страдающими и унывающими, когда они встречались с внешними утратами, как то мужа, жены, ребёнка и т. д. "Господи, - думал я — сколько хлопот здесь из-за таких незначительных вещей, как эти! Какое стремление к плотским вещам в некоторых, и какое горе в других из-за утраты их! Если они так много трудятся для этого и проливают так много слёз из-за вещей временной жизни, как тогда я должен оплакивать, жалеть и молиться! Ведь моя душа умирает, моя душа осуждается". Будь моя душа в лучшем состоянии, и будь я уверен в этом, ах, каким богатым я счёл бы себя, даже если был бы благословлён только хлебом и водой! Это я считал лишь маленькими печальями и переносил их как лёгкие бремена. Кто может сносить израненный дух!

86. И хотя я был сильно встревожен, и метался, и страдал от вида, и ощущения, и ужаса моей собственной греховности, всё же я боялся полностью выбросить из головы этот вид и ощущение; ибо, если чувство вины из совести не убирается правильным способом, то есть кровью Христа, человеку становится скорее хуже из-за утраты тревоги его разумом, нежели лучше. Поэтому, если чувство вины крепко лежало на мне, тогда я вопиял, чтобы кровь Христа могла убрать его, а если оно исчезало без неё (ибо сознание греха иногда как бы умирало и полностью уходило), тогда я старался вызвать его в своём сердце снова, влечением наказания греха в адском огне на мой дух, и вопил: «Господи, не позволь ему уйти из моего сердца кроме, как правильным путём, через кровь Христа, и прикладыванием Твоей милости к моей душе чрез Него». Ибо я не мог забыть это писание: "без пролития крови не бывает прощения" (Евр. 9:22). А что заставляло меня ещё больше бояться этого, было то, что я видел некоторых, которые, хотя и молились и плакали, когда были под ударами совести, однако, ища скорее облегчения их тревоги в настоящее время, чем помилования для их грехов, не заботились, как они избавляются от чувства вины. Итак они выбрасывали это из своей головы; тогда как избавление от него неправильным способом не освящало их, но они становились более жёсткими и ослеплёнными, и более порочными, не смотря на их тревогу. Это заставляло меня

бояться, и заставляло вопиять к Богу ещё больше, чтобы со мной не случилось подобного.

87. И в то время я сожалел, что Бог сотворил меня человеком, ибо я боялся, что был нечестивцем. Я считал человека, если только он не обращён, самым несчастным из всех тварей. Таким образом страдая и метаясь в своём печальном состоянии, я считал себя особенно и более большинства людей лишённым благословения.

88. Более того, я думал, невозможно, чтобы у меня когда-либо стало так много добродетели в сердце, чтобы благодарить Бога за то, что Он сотворил меня человеком. Человек, действительно, – высшее творение среди всех тварей видимого мира, но из-за греха он сделал себя самым низким. Звери, птицы, рыбы и проч.; я благословлял их состояние, ибо они не имеют грешной природы; они не противны во взоре Божьем; они не должны идти в адский огонь после смерти. Я поэтому мог бы радоваться, будь моё состояние подобным их.

89. В таком состоянии я ходил долгое время, но когда подошло время утешения, я услышал, как некто говорил проповедь на эти слова из Песни Песней (Пес. 4:1): «О, ты прекрасна, любовь Моя, ты прекрасна!» Но на этот раз он эти два слова, «любовь Моя» сделал своей основной темой, из которых, после того, как немного приоткрыл текст, он вывел несколько умозаключений: 1. Что церковь, и также каждая спасённая душа, является любовью Христовой, когда нелюбима. 2. Любовь Христова без причины. 3. Любовь Христова, когда ненавидима миром. 4. Любовь Христова, когда под испытанием и оставлена. 5. Любовь Христова от начала и до конца.

90. Но поначалу я ничего не понял из того, что он сказал; только когда он подошёл к изложению четвертой особенности, вот что он сказал: «Если это так, что спасённая душа является любовью Христовой, находящейся под испытанием и оставленной, тогда, бедная претерпевающая душа, когда на тебя напали и ты страдаешь под испытанием и от того, что лицо Божие сокрыто, всё же подумай обэтих двух словах, – «любовь Моя»».

91. Итак, когда я шёл домой, эти слова снова стали занимать мои мысли, и я хорошо помню, когда они пришли, я сказал в сердце так: «Чего я достигну, думая об этих двух словах?» И только эта мысль

промелькнула в моём сердце, как следующие слова начали разгораться в моём духе: «Ты — Моя любовь, ты — Мой голубок», двадцать раз подряд. И ещё, когда они пробежали в моём разуме, они становились увереннее и теплее, и побуждали меня смотреть вверх, но пока я находился между надеждой и страхом, и всё ещё отвечал всердце: «А это — правда? А это — правда?» При этом меня коснулось следующее изречение: «Он не знал, что делаемое Ангелом было действительно» (Деян. 12:9).

92. Тогда я позволил этому слову снова и снова с силой создавать этот радостный звук в моей душе: «Ты — Моя любовь, ты — Моя любовь, и ничто не отделит тебя от Моей любви». И от этого моё сердце наполнилось утешением и надеждой, и тогда я смог поверить, что мои грехи будут мне прощены. Более того, любовь и милость Божьи тогда так охватили меня, что помнится, я не знал, как себя держать в руках, пока попаду домой. Я подумал, что смог бы сказать о Его любви и рассказать о Его милости ко мне даже тем коровам, стоявшим на перепаханной земле передо мной, будь они способны понять меня. Поэтому я сказал в душе с великой радостью: «Да, хотел бы я иметь ручку и чернила, я бы записал это здесь прежде, чем пойду дальше, ибо я, конечно, не забуду этого и через сорок лет». Но увы, меньше, чем через сорок дней я снова начал во всём сомневаться, что заставило меня начать по-прежнему сомневаться во всём.

93. Всё же временами я получал помощь, чтобы верить, что это было истинным проявлением благодати к моей душе, хотя я и потерял мало жизни и интереса к ней. Через неделю или две после этого я был сильно преследуем одним писанием: «Симон! Симон! вот, сатана просил, чтобы вас» (Лук. 22:31). И иногда оно звучало во мне так громко, более того, как бы звало меня сзади так сильно, а однажды пуще обычного, что я повернул через плечо свою голову, воистину думая, что кто-то позади меня звал меня, будучи на большом расстоянии; мне казалось, он звал меня так громко. Оно пришло, как я подумал впоследствии, для того, чтобы побудить меня к молитве и бдительности. Оно пришло, чтобы известить меня, что туча и буря находили на меня, но я этого не понял.

94. Также, насколько я помню, тот раз, когда оно воззвало ко мне так громко, был последним, когда оно звучало в моих ушах, но мне

кажется, я всё ещё слышу, каким громким голосом эти слова, «Симон, Симон» звучали в моих ушах. Я воистину подумал, как я вам сказал, что кто-то звал сзади меня, находясь в полумиле позади меня; и хотя это было не моё имя, всё же оно заставило меня вдруг обернуться, веря, что тот, кто звал так громко, имел в виду меня.

95. Но я был таким глупым и невежественным, что не знал причины этого звука (который, как я вскоре и увидел, и почувствовал, был послан с Небес как сигнал тревоги, чтобы пробудить меня приготовиться к надвигающемуся); но я только размышлял и задавался в уме вопросом, раздумывая, какая могла быть причина этого писания, и почему, в таком случае, так много раз и так громко оно всё ещё звучало и грохотало в моих ушах. Но, как я уже сказал, вскоре я постиг Божью цель этого.

96. Ибо примерно через месяц на меня нашла великая буря, которая обошлась со мной в двадцать раз хуже того, с чем я встречался раньше. Она нашла украдкой, сначала одним краем, потом другим. Сначала у меня было отнято всё моё утешение, затем тьма объяла меня, после чего целые потоки богохульства против Бога, Христа и Писания были излиты на мой дух к моему великому смущению и изумлению. Эти богохульные мысли были таковы, что возбуждали во мне вопросы против самого существования Бога и Его Единородного Сына, такие как: «Существует ли воистину Бог или Христос? И не были ли Святые Писания скорее басней или небылицей, чем святым и чистым словом Божиим?»

97. Искуситель много нападал на меня также посредством следующего: «Откуда ты можешь знать, что у турок нет таких же хороших писаний, доказывающих, что их Магомет — спаситель, как у нас, доказывающих, что им является наш Иисус?» И мог ли я думать, что эти десятки тысяч в таком множестве стран и царств остаются без знания правильного пути на Небеса (если Небеса существуют на самом деле), и что только мы, живущие в одном уголке земли, одни, должно быть, благословлены этим? Каждый думает, что его религия — самая правильная, и Иудеи, и мавры, и язычники. А что, если вся наша вера, и Христос, и Писания тоже только общественное мнение?

98. Иногда я пытался спорить с этими внушениями и приводить некоторые из изречений благословенного Павла против них. Но увы, я

тут же чувствовал, когда я так делал, как такие возражения снова обращались против меня: «Хотя мы сделали из Павла такую величину, и из его слов, всё же откуда мне знать, что на самом деле он не был хитрым и коварным человеком, возможно предавшим себя на то, чтобы обманывать сильными заблуждениями, а также принял страдания и путешествие, чтобы погубить и уничтожить своих собратьев».

99. Эти внушения (со многими другими, которые на этот раз я не могу и не осмеливаюсь озвучить ни вслух, ни пером) так захватили мой дух и так обременили моё сердце и их количеством, и их продолжительностью, и опаляющим действием, что я чувствовал, как будто во мне ничего больше не существовало, кроме них, с утра до ночи, и также решил, что Бог в своей ярости к моей душе предал меня им, чтобы я был унесён ими, как могучим вихрем.

100. Только по отвращению, которое они вызывали в моём духе, я чувствовал, что во мне есть нечто, отказывающееся принимать их. Но такое соображение появлялось у меня тогда только, когда Бог давал мне позволение проглотить мою слюну, иначе гул, и сила, и действие этих искушений топили, переполняли и, так сказать, хоронили все такие мысли или воспоминание чего-либо подобного. Пока я был в этом искушении, я часто находил свой ум настроенным на то, чтобы кощунствовать и сквернословить, или говорить оскорбительные вещи против Бога, или Христа, Его Сына, и Писаний.

101. Тогда мне думалось, что я, конечно, одержим бесом. В иные мгновения, я думал, с другой стороны, что лишился разума, ибо вместо восхваления и возвеличивания Господа Бога с другими, если я только слышал, как о Нём говорили, тут же какая-нибудь самая ужасная богохульная мысль или другая вырывалась из моего сердца против Него. Так что, думал ли я, что Бог существует, или, напротив, думал, что ничего такого нет, никакой любви, ни мира, ни доброго расположения в себе я не мог чувствовать.

102. Эти явления погрузили меня в очень глубокое отчаяние, потому что я решил, что такие явления не могут быть обнаружены среди тех, кто любит Бога. Часто, когда эти искушения с силой обрушивались на меня, я сравнивал себя с положением ребёнка, которого насильно забирает в свои руки цыганка и удерживает вдали

от близких на чужбине. Иногда я взбрыкивал, а также кричал и вопил, но, всё равно, я был привязан к крыльям искушения, и ветер уносил меня прочь. Я думал также о Сауле, и о злом духе, обладавшим им, и сильно боялся, что моё состояние было таким же, как и его. (1 Цар. 16).

103. В те дни, когда я слышал, как другие разговаривали о том, что являлось грехом против Святого Духа, тогда искушитель возбуждал во мне такое желание согрешить этим грехом, что я словно не мог, не должен был успокоиться, пока не совершу его; как будто никакой грех кроме этого не удовлетворит. Если ему надлежало бы совершиться произнесением такого слова, тогда я чувствовал как будто мои уста произнесли это слово, произнёс ли я или нет. И в такой сильной степени было на мне это искушение, что часто я был готов прихлопнуть рукой свой подбородок, чтобы не дать раскрыться рту; ис той же целью иной раз я намеревался прыгнуть вниз головой в какую-нибудь навозную яму или подобное, чтобы мои уста не смогли заговорить.

104. В то время я снова рассматривал положение собаки или жабы, и считал состояние каждой вещи, которую сотворил Бог, намного лучшим, чем это моё ужасное состояние и таковое моих товарищей. Более того, с радостью я бы оказался в положении собаки или лошади, ибо я знал, что они не имеют души, чтобы погибнуть под вечной тяжестью ада, или греха, как мой, который похуже приведёт к этому. Мало того, хотя я видел это, чувствовал это и был разбит этим на куски, вот ещё что добавляло мне печали: я не находил, чтобы я всей душой желал освобождения. Следующее писание также разрывало и раздирало мою душу посреди этих безумий: «А нечестивые – как море взволнованное, которое не может успокоиться и которого воды выбрасывают ил и грязь. Нет мира нечестивым, говорит Бог мой» (Ис.57:20,21).

105. И в то время моё сердце было временами чрезвычайно твёрдым. Я бы отдал тысячу фунтов за одну слезу; я не мог пролить ни одной, и не испытывал, даже изредка, желания пролить её. Я был сильно удручён, думая, что такова моя участь. Я видел, что некоторые могли рыдать и оплакивать свой грех; а другие, с другой стороны, могли радоваться и благословлять Бога за Христа; а другие, с другой стороны, могли спокойно говорить о слове Божьем и с радостью

вспоминать о нём, в то время, как я был только в шторме или буре. Вот что сильно подавляло меня: я думал, моё состояние было исключительным, поэтому я очень скорбел о своём тяжёлом случае, но выбраться или избавиться от этих вещей я не мог.

106. Пока длилось искушение (что было около года) я не мог внимать никаким заповедям Божиим кроме, как с болезненностью и великим огорчением. Тогда больше всего страдания мне причиняли богохульства. Если я слышал Слово, тогда нечистота, богохульства и отчаяние держали меня там в плену. Если я читал, тогда порой я имел неожиданные мысли, подвергающие сомнению всё, что я читал. С другой стороны, иногда мой разум так отвлекался и был занят другими вещами, что я не знал, не внимал, не помнил даже предложение, которое только что прочитал.

107. В молитве я в то время испытывал также большие затруднения. Иногда я думал, что вижу дьявола, даже думал, что я чувствовал его сзади себя, тянущим меня за одежду. Он также был постоянно во мне во время молитвы, чтобы действовать, обрывать, вызывать спешку: «Ты молился достаточно, и больше не задерживайся», ещё отвлекая мой разум. Иногда он также подбрасывал такие нечестивые мысли, как те, что я должен молиться ему или за него. Иногда я думал вот о чём: «Пади», или «если павши поклонись мне» (Мф. 4:9).

108. Поэтому, когда мои мысли блуждали во время исполнения этой обязанности, я старался успокаивать свой ум и направлять его на Бога. Тогда с великим усилием искуситель пытался отвлечь меня и путать меня, и увести мои мысли, являя моему сердцу и воображению очертания куста, быка, метлы или подобного, как если бы я молился на них. К ним он также (а иногда особенно) так приковывал мой разум, как будто я не мог думать ни о чём другом, или молиться ни на что другое, а только на них, или на подобное.

109. Всё же временами у меня бывало ясное и волнующее ощущение Бога и истинности Его Евангелия. О! как в такие моменты моё сердце вырывалось в невыразимых вздохах. Вся моя душа была в каждом слове; я вопиял к Богу в угрызениях совести, чтобы Он был милостив ко мне; но затем я снова был смущаем такими мыслями, как эти: я думал, что Бог посмеивается над этими моими молитвами, говоря (и это в присутствии святых Ангелов): «Этот простой бедолага

ищет Меня, как будто Мне больше нечего делать, как только дарить Мою милость таким как он. Увы, бедная душа! как ты обманута! Не для таких как ты – иметь благосклонность Вышних».

110. Затем искуститель набросился на меня также и с такими нападками: «Ты слишком распалился ради милости, но я остужу тебя; это настроение не будет длиться всегда. Многие были такими же пылкими ради духа, но я угасил их рвение (и тут перед моими глазами был представлен такой-то, ставший отпадшим)». Тогда я испугался, что и я так сделаю. Но, думалось мне, я рад, что это пришло мне на ум. Хорошо, буду наблюдать и буду осторожен, насколько смогу. «Хотя тыи будешь так делать, – сказал Сатана – я тоже буду упорным и стану охлаждать тебя незаметно, постепенно, мало-помалу. Какая мне забота, – сказал он – хотя бы мне пришлось охлаждать твоё сердце семь лет, если я смогу это сделать в конце концов? Постоянное укачивание убаюкает плачущее дитя. Я займусь этим плотно, но я достигну своей цели. Хотя ты теперь горишь, я вытащу тебя из этого огня; не так долго и ты у меня станешь холодным».

111. Эти явления поставили меня в тесное положение, поскольку я и в настоящее время не находил себя готовым к смерти, я подумал так: прожив долго, я сделаюсь ещё более неготовым, ибо время заставит меня забыть всё и сотрёт даже воспоминание о вреде греха, ценности Небес и нужде, которую я имел, в омытии кровью Христа и из моей памяти, и из моих мыслей. Но я благодарю Христа Иисуса, эти явления не заставили меня в то время ослабить мой вопль, но скорее больше настроили меня на это (подобно той, которая встретила с насильником; Втор. 22:26). И тогда я стал надеяться, что долгая жизньне разрушит меня, не заставит меня упустить Небеса.

112. Я получил ещё некоторую поддержку в этом искушении, хотя она тогда подвергалась мной сомнению. Место в третьей главе Иеремии, в начале, было важно для меня, и особенно рассмотрение пятого стиха этой главы, что хотя мы сказали и сделали такие злые вещи, какие только смогли, всё же мы должны взывать к Богу: «Отец мой! Ты был путеводителем юности моей», и должны вернуться к Нему.

113. Однажды я также получил нежный ответ от 2 Кор. 5:21: «Ибо не знавшего греха Он сделал для нас грехом, чтобы мы в Нем

сделались праведными пред Богом». Я помню, как в один из дней, когда я сидел в соседском доме и очень печалился, размышляя о многих своих богохульствах, и когда я говорил в себе: «Какие у меня есть основания говорить что тот, кто был таким отвратительным и мерзким, когда-нибудь наследует вечную жизнь?» Внезапно ко мне пришло следующее слово: «Что же сказать на это? Если Бог за нас, кто против нас?» (Рим. 8:31). Помощью также было мне вот что: «Ибо я живу, и вы будете жить» (Инн. 14:19). Но эти слова были только намёками, прикосновениями и краткими визитами, хотя и приятными в тот момент; только они не задерживались, но как простыня Петра, внезапно возносились от меня снова на Небеса (Деян. 10:16).

114. Но впоследствии Господь более полно и милостиво открыл Себя мне, и, действительно полностью, не только освободил меня от чувства вины, вызванного этими явлениями, но также и от самой этой грязи, ибо искушение было удалено, и мне был возвращён мой здравый ум, как у других Христиан.

115. Помню, что в один день, когда я ходил в деревню и размышлял об испорченности и богохульстве своего сердца, и рассуждал о враждебности, которая была во мне к Богу, на ум мне пришло следующее писание: «Умиротворив кровью креста Его» (Кол. 1:20), посредством которого мне было дано видеть снова и снова, что Бог и моя душа были друзьями посредством Его крови. Более того, я увидел, что Божья справедливость и моя грешная душа могли обняться и облобызаться друг друга через Его кровь. Это был добрый день для меня; надеюсь, я никогда не забуду его.

116. В другой раз, когда я сидел у камина в своём доме и размышляло своей негодности, Господь сделал для меня также драгоценными следующие слова: «А как дети причастны плоти и крови, то и Он также воспринял оные, дабы смертью лишить силы имеющего державу смерти, то есть дьявола, и избавить тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству» (Евр. 2:14,15). Я вспоминаю, что слава этих слов опустилась на меня так весомо, что я раз или два был готов упасть в обморок, где сидел, но уже не от горя и тревоги, а от сплошной радости и мира.

117. В то время я также слушал проповеди преподобного мистера Гиффорда, чьё учение Божией милостью много содействовало моей

устойчивости. Этот человек поставил своей задачей освободить людей Божьих от всех тех ложных и нездоровых испытаний, которым мы подвержены по природе. Он просил нас предпринимать особые предосторожности, чтобы мы не принимали на веру никаких истин от одного, другого, или третьего человека, или людей, но усиленно вопияли к Богу, чтобы Он удостоверял нас в истинности этого, и утверждал в этом Своим собственным Духом во святом Слове. «Ибо, – говорил он — если вы будете делать иначе, когда придут искушения, если вы не приняли их накрепко с подтверждением с Небес, вы обнаружите, что тогда лишены той помощи и силы противостоять, которую однажды вы думали, что имеете».

118. Это было своевременным для моей души, как ранний и поздний дождь в свой сезон (ибо я обнаружил, и это через печальный опыт, истинность этих слов его, ибо я чувствовал, что никакой человек не может сказать, особенно когда он искушается дьяволом, что Иисус Христос есть Господь, кроме, как Духом Святым). Поэтому я нашёл, что моя душа, через благодать, очень подвержена жадно впитывать это учение и склоняется молиться Богу, чтобы ни в чём, что имеет отношение к Божией славе и к моему собственному вечному благополучию, Он не позволял мне оставаться без подтверждения этого с Небес; ибо тогда я увидел ясно, что есть чрезвычайная разница между представлениями плоти и крови и откровениями от Бога небесного; также великая разница между той верой, которая притворна и соответствует человеческой мудрости, и той, которая приходит через рождение человека к тому от Бога (Мф. 16:15-17; 1 Инн.5:1).

119. О! как моя душа была теперь ведома Богом от истины к истине! Даже от рождения и колыбели Сына Божьего до Его воцарения и второго пришествия с Небес судить мир!

120. Воистину, я тогда обнаружил на этот счёт, что великий Бог был благ ко мне, ибо, как мне помнится, не было ничего, о чём я тогда вопиял к Богу сделать известным и открыть мне, кроме того, что Он благоволил сделать для меня; я имею в виду не одну часть Евангелия Господа Иисуса, но я был последовательно введён в него. Мне казалось, я увидел с великой очевидностью из откровения четырёх евангелистов чудесную работу Божью в отдании Иисуса Христа для

нашего спасения, от Его зачатия и рождения даже до второго пришествия для суда. Мне казалось, я словно увидел Его рождение, словно видел, как Он растёт, я словно видел Его проходящим через этот мир от колыбели до креста, к которому также, когда Он пришёл, я увидел, как кротко Он позволил Себя привязать и пригвоздить за мои грехи и злые деяния. Также когда я размышлял об этом Его странствии, в душу мне запало, что Он был предназначен к пролитию крови (1 Пет. 1:12, 20).

121. Когда я также рассмотрел истину Его воскресения и вспомнил те слова: «не прикасайся ко Мне, Мария» и т. д., я как бы увидел, как Он выпрыгнул из пасти могилы от радости, что Он восстал снова и получил победу над нашими отвратительными противниками (Инн 20:17). Я также в духе увидел Его как человека по правую руку Бога Отца, за меня, и увидел как Он со славой сойдёт с Небес судить мир, и был утверждён в этих вещах следующими писаниями: Деян. 1:9,10 и 7:56, и 10:42; Евр. 7:24 и 9:28; Отк. 1:18; 1 Фес. 4:17,18.

122. Однажды я оказался в затруднении, не зная, был ли Господь Иисус человеком настолько же, насколько Богом, и Богом – насколько и человеком. И, воистину, в те дни пусть люди говорили бы, что хотели, если я не имел для этого доказательства с Небес, – это всё было ничто для меня, я не считал себя наставленным в любой истине Божией. Итак, я был в большом затруднении относительно этого вопроса, и не мог его разрешить; наконец, мне на ум пришло место из Отк. 5:6: «И я взглянул, и вот, посреди престола и четырех животных и посреди старцев стоял Агнец как бы закланный». Посреди престола, подумал я, находится Божество; посреди старцев находится Его человеческая природа. О! мне показалось, это засверкало! Это было благое прикосновение, давшее мне полное удовлетворение. В этом много помогло мне также другое писание: «Ибо младенец родился нам - Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира» (Ис. 9:6).

123. Также кроме этих Божьих поучений в Его слове, Господь использовал две вещи, чтобы утвердить меня в этой истине; одной были ошибки Квакеров, а другой – вина греха. Поскольку Квакеры противостояли этой истине, так Бог более утвердил меня в ней, введя меня в Писание, которое чудесно поддержало её.

124. Ошибки, которые эти люди тогда поддерживали, были следующие: 1. Что святое Писание не является словом Божиим. 2. Что каждый человек в мире имеет Дух Христов, благодать, веру и т. д. 3. Что Христос Иисус, будучи распят и умирая шестнадцать столетий тому назад, не удовлетворил Божественную справедливость за грехи людей. 4. Что Христовы плоть и кровь находятся внутри святых. 5. Что тела добрых и злых, похороненные на церковном дворе, не восстанут снова. 6. Что прошло уже воскресение добрых людей. 7. Что Тот Человек Иисус, распятый между двух воров на горе Голгофе в земле Ханаанской под Иерусалимом, не взошёл превыше звёздного неба. 8. Что Он, именно Тот Самый Иисус, умерший от рук иудеев, не придёт в последний день, как человек, судить все народы и т. д.

125. Многие более отвратительные и противные вещи, которые распространялись ими в те дни, заставили меня более тщательно исследовать Писание, и через его свет и свидетельство я был не только просвещён, но весьма утверждён и успокоен в истине. И, как я сказал, вина греха много помогла мне, ибо по-прежнему, когда бы она ни находила на меня, кровь Христа снимала её снова, и снова, и снова; и к тому же нежно, в соответствии с Писанием. О друзья! Умоляйте Бога открыть вам Иисуса Христа; никто не учит, как Он.

126. На этом пришлось бы задержаться надолго, рассказывая вам в частности, как Бог наставлял меня на всякую истину Христову, и как Он вводил меня в Своё слово, а Он мог так сделать; более того, также как Он открыл его мне и сделал, чтобы оно сияло передо мной, и послал его обитать со мной, говорить со мной и утешать меня снова и снова и Своим бытием, и бытием Своего Сына, и Духом, и Словом, и Евангелием.

127. Но это, как я сказал раньше, скажу вам снова, что в целом Ему было угодно таким образом поступить со мной; во-первых, позволить мне страдать от искушений касательно его и затем открыть его мне. Когда иногда я лежал под великой виной из-за греха, даже придавленным им к земле, и тогда Господь показывал мне смерть Христа, более того, так окроплял мою совесть Его кровью, что я обнаруживал (и это прежде, чем я осознал), что в той совести, где только что правил и свирепствовал закон, именно там водворялся и покоился мир и любовь Божья через Христа.

128. Теперь я имел доказательство, как я думал, моего спасения, с Небес, со многими золотыми печатями, висящими перед моим взором. В то время я мог бы вспомнить с утешением одно проявление благодати, другое её раскрытие и часто жаждал и желал, чтобы пришёл последний день, чтобы я мог навечно воспламениться от вида, и радости, и общения с Тем, Чья голова была увенчана тёрнами, Чьё лицо было оплёвано, а тело разломано, и душа сделала приношение за мои грехи. Ибо не смотря на то, что перед этим я лежал, постоянно содрогаясь, в пасти ада, теперь мне казалось, что я убрался так далеко оттуда, что озираясь назад, едва мог различить его! О! подумал я, был бы я теперь восьмидесятилетним, чтобы мог умереть быстро, чтобы моя душа могла бы уйти на покой.

129. Но до того, как я убрался так далеко от этих моих искушений, я страстно желал увидеть труд какого-нибудь древнего благочестивого человека, кто писал за несколько сотен лет до моего рождения, ибо я думал, что те, которые писали в наши дни (но теперь я хочу, чтобы они простили меня), что они писали только то, что другие прочувствовали; или иные пытались силой своего ума и способностей ответить на возражения, которыми, как они поняли, другие были поставлены в тупик, но сами не проникли в глубину. После многих таких страстных желаний в моём разуме Бог, в Чьих руках все наши дни и пути, подбросил в мои руки (в один день) книгу Мартина Лютера; это были его Комментарии на Послание Галатам; к тому же она была такой старой, что была готова развалиться на кусочки, как только я её открывал. Я был тогда очень доволен, что в мои руки попала такая старинная книга, в которой, как только я немного вчитался, я нашёл, что моё состояние так подробно и основательно растолковывалось, как будто его книга была написана из моего сердца. Это заставило меня изумиться, ибо я думал так: этот человек не мог знать что-либо о теперешнем состоянии Христиан, но должен был непременно писать и говорить из опыта прежних дней.

130. Кроме того, в этой книге он очень основательно обсуждает происхождение этих искушений, а именно, богохульства, отчаяния и подобного, показывая, что закон Моисеев, наравне с дьяволом, смертью и адом, принимает в них значительное участие, что поначалу показалось мне очень странным, но рассуждая и наблюдая, я

обнаружил, что так и есть на самом деле. Не подразумевая здесь ничего в частности, только вот что, мне кажется, я должен высказаться перед всеми, что я действительно предпочитаю эту книгу Мартина Лютера по Посланию Галатам, исключая Святую Библию, всем книгам, которые я когда-либо видел, как наиболее подходящую для уязвленной совести.

131. В то время я находил, как я думал, что я нежно люблю Христа. О! мне казалось, что моя душа прилепилась к Нему, мои привязанности прилепились к Нему; я чувствовал к Нему любовь горячую, как огонь, и тогда я думал, что "в гнезде моём скончаюсь" (как сказал Иов). Но я быстро обнаружил, что моя великая любовь была довольно маленькой, и что я, имевший, как я думал, такую горящую любовь к Иисусу Христу, мог Его выпустить из головы из-за пустяка. Бог знает, как унижить нас и может содрать с человека гордость. Вскоре после этого моя любовь была кстати испытана.

132. Ибо после того, как Господь в такой манере, так милостиво избавил меня от этого великого и болезненного искушения, и так ласково наставил меня в вере Его святого Евангелия, и дал мне такое глубокое утешение и благословенное удостоверение с Небес касательно моего участия в Его любви через Христа, искушитель набросился на меня снова, и теперь с более мучительным и страшным искушением, чем раньше.

133. И это было: продать и отдать этого благословеннейшего Христа, променять Его на вещи этой жизни, за что-нибудь. Искушение было на мне в течение года и преследовало меня так непрерывно, что я не был избавлен от него и на один день в месяц, иногда и на один час много дней подряд, если, конечно, я не спал.

134. И хотя, на мой взгляд, я был убежден, что те, кто действительно были однажды во Христе (каковым, я надеялся, через Его благодать я однажды увидел и себя) никогда не могли потерять Его навсегда (потому что «землю не должно продавать навсегда; ибо Моя земля» – говорит Бог; Лев. 25:23), однако это было постоянной досадой для меня – думать, что я имел в себе хотя бы всего одну мысль против Христа Иисуса, Кто сделал для меня то, что Он сделал. И однако, тогда я не имел почти никаких других, кроме таких богохульных мыслей.

135. Ни неприятие моего разума, ни какое-либо желание и стремление сопротивляться ничуть не ослабляло и не умеряло продолжительность, и силу, и крепость этого. Оно всегда само тотчас вмешивалось почти во всё, о чём я думал, в такой манере, что я не мог ни есть свою еду, наклониться за гвоздём, отрубить ветку, ни бросить взгляд, чтобы посмотреть на это или то, как уже приходило искушение: «Продай Христа за это, или продай Христа за то; продай Его, продай Его».

136. Иногда оно пробегало в моих мыслях не меньше ста раз подряд: «Продай Его, продай Его, продай Его», против чего, могу сказать, в течение целого ряда часов я был вынужден держаться при постоянном принуждении и насилии над моим духом, чтобы случайно (до того, как я осознал бы) какая-нибудь нечестивая мысль не возникла в моём сердце, которая могла бы этому уступить. И иногда искуситель заставлял меня поверить, что я уступил этому, тогда я становился, как мучимый пыткой в течение целого ряда дней.

137. Это искушение привело меня в такую боязнь, как бы я когда-нибудь, как я сказал, не уступил ему и не был им побеждён, что самой силой моего ума в старании противоречить и сопротивляться его злобности, само моё тело было приведено в действие и движение, путём расталкивания и давления руками и локтями, по-прежнему отвечая также быстро, как разрушитель говорил: «продай Его», «не продам, не продам, не продам, не продам. Нет, ни за тысячи, тысячи, тысячи миров», таким образом рассчитывая, как если бы я (посреди этих нападков) не установил Ему слишком низкую цену; даже до того, что я едва знал, где нахожусь или как снова успокоиться.

138. В эти времена он не позволял мне съесть в тишине свою еду, но, несомненно, – когда я сидел за столом за едой – я должен идти помолиться; я сейчас должен оставить свою еду, прямо сейчас, – таким притворно святым был этот бес. Когда я был таким образом искушаем, я говорил в себе: «Теперь я за едой; сначала я закончу». «Нет, – говорил он – ты должен сделать это сейчас, или ты рассердишь Бога и презришь Христа». Поэтому я сильно страдал от этих явлений и из-за греховности моей природы (представляющей, что эти побуждения были от Бога), я отказывался делать это, как будто отказывал Богу, и тогда я чувствовал себя настолько же виновным, не подчинившись

бесовскому искушению, как будто я в самом деле нарушил закон Божий.

139. Но чтобы быть кратким: в одно утро, когда я лежал в своей постели, я был как обычно наиболее свирепо атакован этим искушением, – продать и распрощаться со Христом. Нечестивое внушение по-прежнему пробегало в моём уме: «Продай Его, продай Его, продай Его, продай Его, продай Его», – так быстро, как только можно проговорить, против чего я также, как и прежде в своём уме отвечал: «Нет, нет, ни за тысячи, тысячи, тысячи» – по меньшей мере двадцать раз подряд. Но, наконец, после многих усилий, даже до того, что я почти задохнулся, я почувствовал, как через моё сердце прошла мысль: «Пусть Он уходит, если хочет», и подумал также, что я почувствовал, как моё сердце свободно уступило этому. О! усердие Сатаны! О! безнадёжность человеческого сердца!

140. Теперь битва была проиграна, и я свалился вниз, как подстреленная птица с верхушки дерева, в великий комплекс вины и страшного отчаянья. Таким образом, поднявшись со своей постели, я пошёл, хандря, в поле, но, Бог знает, с таким тяжёлым сердцем, какое только смертный человек, я думаю, может снести, где в течение двух часов я был как человек, лишённый жизни, и за пределами всякого восстановления, и направлявшийся к вечному наказанию.

141. И к тому же мою душу охватило следующее писание: «или нечестивца, который бы, как Исав, за одну снедь отказался от своего первородства. Ибо вы знаете, что после того он, желая наследовать благословение, был отвержен; не мог переменить мыслей, хотя и просил о том со слезами» (Евр. 12:16,17).

142. И стал я тогда как заключённый, чувствовал себя находящимся в темнице до грядущего суда. Ничто тогда, в течение двух лет подряд не пребывало во мне, кроме осуждения и ожидания осуждения. Как я сказал, ничто не пребывало во мне, кроме этого, за исключением нескольких моментов облегчения, как в впоследствии вы увидите.

143. Эти слова были для моей души подобно оковам из меди для моих ног, в постоянном звучании которых я ходил в течение нескольких месяцев подряд. Но около десяти или одиннадцати часов в тот день, когда я ходил вдоль изгороди (полный печали и вины, Бог

знает) и оплакивал себя из-за этого прискорбного случая, что такая мысль возникла у меня, внезапно на ум пришло одно изречение: «Кровь Иисуса Христа прощает всякую вину». При этом я остановился в своём духе; с этим следующие слова овладели мной: «Кровь Иисуса Христа, Сына Его, очищает нас от всякого греха» (1 Инн 1:7).

144. Тогда я почувствовал мир в своей душе, и мне показалось, как будто искуститель посмотрел на меня злобно и выскользнул от меня, как устыдившийся того, что он сделал. В то же самое время я имел и свой грех, и кровь Христа, таким образом представленную мне, что мой грех при сравнении с кровью Христа, был перед ней не больше, чем этот маленький комочек или камешек возле меня перед этим широким и пространном полем, на которое я тут смотрел. Это дало мне хорошее ободрение на промежуток в два или три часа, в который также, мне показалось, я увидел верой Сына Божьего, страдающего за мои грехи. Но поскольку это не задержалось, я поэтому снова сник духом под чрезмерным чувством вины.

145. Однако, главным образом из-за вышеупомянутого писания, касательно продажи Исавом своего первородства, ибо это писание не выходило из моей головы целый день, целую неделю, даже целый год и держало меня поверженным, так что я не мог ни коим образом подняться; ибо когда я пытался обратиться к тому или иному писанию за облегчением, это изречение по-прежнему звучало во мне: «Ибо вы знаете, что после того он, желая наследовать благословение, был отвержен; не мог переменить мыслей, хотя и просил о том со слезами».

146. Иногда меня, действительно, касалось место из Луки 22:32: «Но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя». Но это не задерживалось во мне, и я не мог, на самом деле, когда рассматривал своё состояние, найти основание считать хоть в малейшей степени, что во мне есть источник благодати, когда я так согрешил. В то время я был жестоко разрываем и раздираем в течение многих дней подряд.

147. Тогда в горести я начал внимательно размышлять о природе и величине своего греха и искать в Слове Божьем, не мог ли я в каком-либо месте отыскать слово обетования или какое-нибудь ободряющее изречение, через которое я мог бы получить облегчение. Поэтому я начал рассматривать третью главу Марка: «Истинно говорю вам: будут

прощены сынам человеческим все грехи и хуления, какими бы ни хулили» (3:28). Это место на первый взгляд содержало великое и славное обетование для прощения глубоких оскорблений, но рассматривая это место более полно, я подумал, его следует понимать, как относящееся главным образом к тем, кто, находясь в природном состоянии, совершил такие вещи, какие здесь упомянуты, но не ко мне, который не только получил свет и милость, но кто после этого и также вопреки этому так пренебрёг Христом.

148. Я поэтому боялся, что этот мой злой грех мог оказаться тем непростительным грехом, о котором Он там говорит таким образом: «но кто будет хулить Духа Святого, тому не будет прощения вовек, но подлежит он вечному осуждению» (Мар. 3:29). И я охотнее верил этому из-за того изречения в Послании Евреям: «Ибо вы знаете, что после того он, желая наследовать благословение, был отвержен; не мог переменить мыслей, хотя и просил о том со слезами». И это всегда оставалось со мной.

149. Тогда я был и бременем, и ужасом самому себе, и прежде никогда не знал, как в то время, что значит быть утомлённым жизнью и всё же бояться умереть. О! как я был бы рад стать кем угодно, только не самим собой, чем угодно, только не человеком, и быть в любом положении, только не в своём собственном! Ибо ничто не приходило мне на ум чаще, чем то, что невозможно для меня получить прощение за своё преступление и спастись от грядущего гнева.

150. И тогда я снова начал призывать ушедшее время, тысячу раз желая дважды сказать, что тот день ещё не наступал, когда я должен быть искушаем в таком грехе, заключая с великим негодованием и против своего сердца, и против всех нападков, что я скорее был бы разорван на куски, чем был найден уступившем ему. Но увы! Эти мысли, и желания, и намерения были теперь слишком запоздалыми для меня. В моём сердце появилась такая мысль: «Бог отлучил меня, и я – погибший». «О! – думал я, – если бы я был как в прежние месяцы, как в те дни, когда Бог хранил меня!» (Иов 29:2).

151. Тогда снова, будучи несклонным и не желающим погибнуть, я начал сравнивать свой грех с другими, чтобы увидеть, не смогу ли найти, чтобы кто-либо из тех, которые спаслись, делал, как я сделал. Итак, я рассматривал прелюбодеяние Давида и убийство и нашёл их

самыми отвратительными преступлениями; и те тоже совершены после получения света и благодати. Но всё же, рассуждая, я постиг, что его преступления были только против закона Моисеева, от которого Господь Христос мог, в соответствии со Своим Словом, избавить его, но моё было против Евангелия, более того, против его Посредника; я продал своего Спасителя.

152. Тогда я снова стал словно подвергаемый пытке на колесе, когда рассудил, что кроме чувства вины, обладавшего мной, я, должно быть, настолько лишён благодати, настолько одержим. «Как, – думал я, – неужели это был никакой другой грех, а именно этот? Неужели он и был тем великим развращением? (Пс. 18:14). Неужели тот лукавый коснулся моей души?» (1 Инн. 5:18). О! Какое жало находил я во всех этих изречениях!

153. «Как, – думал я, – неужели есть только один грех, который не прощается, только один грех, который уводит душу вне досягаемости Божьей милости, и это – он? Неужели я виновен в нём? Неужели есть только один грех среди многих миллионов грехов, которому нет прощения, и неужели я совершил его? О! несчастный грех! О! несчастный человек!» Эти вещи так разрушали и смущали мой дух, что я не знал, что делать. Временами я думал, они сведут меня с ума; и ещё, чтобы отяготить моё страдание, в моей голове пробегало: «Вы знаете, что после того он, желая наследовать благословение, был отвержен». О! никто не знает ужаса тех дней, кроме меня самого.

154. После этого я стал размышлять о грехе Петра, который он совершил, отрекаясь от своего Учителя. И, действительно, этот подошёл к моему больше любого из тех, что я смог найти, ибо онотрёкся от своего Спасителя, как я, после получения света и милости; более того, также после данного ему предупреждения. Я размышлял также о том, что он сделал это и раз, и второй, через какое-то время, чтобы в промежутке поразмыслить. Но хотя я сложил вместе эти обстоятельства, чтобы, если возможно, я мог бы найти помощь, всё же я снова рассуждал, что его грех был только отречением от его Учителя, но мой – продажей моего Спасителя. Поэтому я думал в себе, что я подошёл ближе к Иуде, чем Давид или Пётр.

155. Тут снова воспылало моё мучение, вызывая у меня страдание; более того, оно размалывало меня, так сказать, в порошок, когда я

рассматривал, как других Бог хранит, в то время, как я провалился в западню; ибо рассматривая грехи других людей и сравнивая их с моим собственным, я мог с очевидностью видеть, что Бог хранил их, не смотря на их нечестие, и не позволял им, как Он позволил мне, стать сыном погибели.

156. О! как высоко моя душа ценила в то время охранение, какое Бог устанавливает вокруг Своих людей! Ах, как безопасно, видел я, ходили те, кого Бог оградил! Они находились под Его защитой, заботой и особым промыслом, хотя они были по природе также плохи, как я, всё же, потому что Он любит их, Он не потерпит, чтобы они упали, не протянув им милости. Но что касается меня, – я погиб, я сделал это; Он не оберегал меня, не хранил меня, но позволил мне (потому что я был нечестивцем) пасть, что я и сделал. В то время те благословенные места, которые говорили о Божьем хранении Его людей, сияли передо мной, подобно солнцу, хотя и не утешая, а только чтобы показать мне благословенное положение и наследство тех, кого Господь благословил.

157. Тогда я увидел что, как Бог участвовал во всяком промысле и предусмотрительности, которые охватывали Его избранных, так Он вмешивался и во все искушения, которые были у них, чтобы согрешить против Него, не для того, чтобы побуждать их к нечестию, но избирать их искушения и затруднения для них, а также оставлять их на время для таких только грехов, которые не могли бы разрушить, но только смирить их, как не могли бы поставить их вне, но поставить их на пути обновления Его милости. О! Какую любовь, какую заботу, какую доброту и милость я увидел тогда, сочетающиеся с самыми суровыми и страшными из всех Божьих путей для Его людей! Он позволил Давиду, Езекии, Соломону, Петру и другим пасть, но не позволил им впасть в грех непростительный, ни в ад за грех. «О! – думал я, – это люди, которых Бог возлюбил, это люди, которых Бог, хотя и наказывает, но хранит в безопасности возле Себя, те, которых Он побуждает пребывать под сенью Всемогущего». Но все эти мысли добавили мне печали, горя и ужаса, так как о чём бы я теперь не подумал, это убивало меня. Как всё содействует к лучшему и делает благо тем, которые призваны по Его изволению, так, думал я, всё действует мне во вред и к моему вечному поражению.

158. Затем я снова начал сравнивать свой грех с грехом Иуды, чтобы, если возможно, мог увидеть, не отличается ли мой от того, который поистине является непростительным. О! думал я, если он отличается от того хотя бы на толщину волоса, в каком счастливом состоянии находится моя душа! И размышляя, я нашёл, что Иуда сделал это намеренно, а мой был вопреки моей молитве и стараниям. Кроме того, его грех был совершён очень обдуманно, но мой в страшной спешке, неожиданно. Всё это время меня бросало туда-сюда как саранчу и носило из тревоги в печаль. Я всегда слышал в ушах шум падения Исава и его страшные последствия.

159. Всё же это размышление о грехе Иуды на некоторое время стало маленьким облегчением для меня, ибо я видел, что касается обстоятельств, я согрешил не так предательски, как он. Но это снова быстро ушло, ибо я подумал в себе, может быть существует более, чем один путь совершения непростительного греха; также я подумал, что могут быть различные степени этого, как и других преступлений. Поэтому насколько я мог постичь, это моё беззаконие может являться таким, какое никогда не может быть отпущено.

160. В то время мне часто бывало стыдно, что я был таким скверным человеком как Иуда. Я думал также, каким отвратительным буду я для всех святых в день суда, настолько, что тогда я едва мог видеть хорошего человека, который, как я верил, имел добрую совесть, и я чувствовал, как моё сердце трепещет перед ним пока я был в его присутствии. О! теперь я видел славу в хождении с Богом, и какая это милость – иметь добрую совесть перед Ним.

161. Примерно в то время я был сильно искушаем успокоить себя принятием одного ложного мнения, что не будет такой штуки как день суда, что мы не восстанем снова, что грех не является такой прискорбной вещью. Искуситель внушал так: «Хотя бы эти вещи в самом деле были истиной, всё же верить иначе – сделало бы твою теперешнюю жизнь легче. Если ты должен погибнуть, не мучь себя так сильно перед тем, изгони мысли об осуждении из головы, займи свой разум какими-нибудь умозаключениями, какие используют атеисты и Рантеры, помогая ими себе».

162. Но о! когда такие мысли завладели моим сердцем, сразу как бы смерть и суд предстали перед моим взором в шаге от меня! Мне

показалось, судья стоял в дверях; я почувствовал, словно Он уже пришёл; так что такие вещи – совсем не развлекают. Но мне кажется, через это я вижу, что Сатана будет использовать любой способ, чтобы удержать душу вдали от Христа. Он не любит пробуждённое состояние духа; беспечность, слепота, тьма и заблуждение являются самим царством и жилищем лукавого.

163. Молиться Богу было тогда для меня тяжёлой работой, потому что отчаяние поглотило меня. Я думал, что я был словно бурей унесённый от Бога, ибо всегда, когда я вопиял к Богу о милости, подкатывало: «Слишком поздно, я потерян. Бог попустил мне пасть не для моего исправления, но осуждения. Мой грех – непростительный, и я знаю, что касается Исава, как после того, как он продал своё первородство, желая получить благословение, был отвержен». Примерно в это время я неожиданно наткнулся на ту страшную историю этого несчастного смертного Фрэнсиса Спиры, книгу, которая была для моего обеспокоенного духа как соль, втираемая в свежую рану. Каждое предложение в этой книге, каждый стон того человека совсеми прочими его поступками в его печали, как то его слёзы, его молитвы, его скрежет зубов, его заламывание рук, их сплетение и выкручивание, и томление, и истаивание под той могущественной рукой Божьей, которая была на нём, были как ножи и кинжалы в моей душе. Особенно пугающим его изречением для меня было: «Человек знает исток греха, но кто загородит его устье?» Затем прежнее изречение, как заключение всего снова пало как удар раскалённой молинии в мою совесть: «Ибо вы знаете, что после того он, желая наследовать благословение, был отвержен; не мог переменить мыслей, хотя и просил о том со слезами».

164. Тогда меня стала бить очень сильная дрожь, такая, что иногда в течение целых дней подряд я мог чувствовать, как само моё тело, также и разум, сотрясались и дрожали от ощущения этого страшного суда Божьего, который должен пасть на тех, которые согрешили этим самым страшным, непростительным грехом. Я чувствовал такжетакую тяжесть и жар в желудке по причине этого ужаса, что мне казалось, иногда особенно, будто моя грудина раскололась пополам. Тогда я думал об Иуде, который упав плашмя, разорвался пополам посередине, и весь его кишечник выпал (Деян. 1:18).

165. Я боялся также, что это было знамением, которое Господь положил на Каина, именно постоянный страх и дрожь под тяжёлым грузом вины, которую Он возложил на него за кровь его брата Авеля. Таким образом я обмотался, опоясался и просел под бременем, которое было на мне, каковое бремя так отягощало меня, что я не мог ни стоять, ни идти, ни лежать ни в покое, ни в тишине.

166. Ещё одно высказывание приходило мне на ум: «Он принял дары для противящихся» (Пс. 67:19). «Противящихся, – подумал я. – Конечно, это те которые однажды были в подчинении у их Государя, даже те, которые после того, как присягнули в верности Его правлению, подняли руки против Него; а это, – подумал я, – и есть моё состояние. Я однажды любил Его, боялся Его, служил Ему, но теперь я – мятежник. Я продал Его, сказал: "Пусть Он уходит, если хочет". Но всё же Он имеет дары для мятежников, а тогда почему не для меня?»

167. Иногда я думал вот о чём, и пытался за это ухватиться, чтобы какое-нибудь, хотя бы и маленькое подкрепление могло быть получено мной; но в этом я также не достигал своего желания; я был с силой увлечён за его пределы. Я был подобен человеку, идущему на казнь, даже мимо того места, куда он бы с радостью заполз и спрятался, но не может.

168. После того, как я таким образом рассмотрел грехи святых по отдельности и нашёл, что мой их превышает, тогда я снова начал рассуждать сам с собой: «Предположим, что я сложил бы их все вместе, а свой выставил один против них, не мог бы я тогда найти какое-то ободрение? Ибо, если мой, хотя и больше любого другого, всё же был бы только равным всем, тогда есть надежда, ибо та Кровь, которая имеет в себе достаточно силы, чтобы смыть все их, имела бы в себе достаточно силы смыть и мой, хотя этот грех является как раз таким же большим, если не больше, чем все их». Тут я снова размышлял о грехе Давида, Соломона, Манассии, Петра и остальных великих преступников, и также старался, насколько мог беспристрастно, отягчать и преувеличивать их грехи некоторыми обстоятельствами.

169. Я рассуждал сам с собой, что Давид пролил кровь, чтобы покрыть свою прелюбодеяние, и это мечом детей Аммона; дело, которое не могло быть сделано как только через продолжительное

время и по обдуманному плану, что являлось серьёзным отягчающим обстоятельством для его греха. Но затем моё отношение переменялось: «Ах, но это были грехи только против закона, от которых спасти их был послан Иисус, но твой грех против Спасителя, и кто спасёт тебя от этого?»

170. Потом я думал о Соломоне, и как он грешил, любя чужеземных женщин и падая перед их идолами, строя им храмы, делая это после света, в своей старости, после получения великой милости. Но то же умозаключение, которое оборвало меня в предыдущем случае, оборвало меня и на этот раз; именно, что все те были грехами против закона, за которые Бог представил средство избавления, но я продал своего Спасителя, и не осталось больше жертвы за грех.

171. Затем я добавил к грехам этих людей грехи Манассии; как он построил жертвенники для идолов в доме Божьем; он также наблюдал времена, ворожил, учредил чародеев, сам чародействовал, имел вызывателей духов, сжигал своих детей в огне в жертву бесам и наполнил улицы Иерусалима невинной кровью. Это, подумал я, были великие грехи, грехи кровавого цвета, но, однако, моё отношение снова переменялось: «Ни один из них не был подобен характеру твоего; ты отделился от Иисуса, ты продал своего Спасителя».

172. Одна и та же мысль всегда убивала моё сердце: мой грех был направлен прямо против моего Спасителя, и к тому же такой величины, что я сказал в своём сердце о Нём: «Пусть Он уходит, если хочет». О! мне казалось, этот грех был больше, чем грехи страны, королевства или целого мира. Ни один простительный, ни все они вместе не могли сравниться с моим; мой превосходил каждый.

173. Тогда я обнаружил, что мой разум бежит от Бога, как от лица страшного судьи. Мучило меня также то, что я не мог избежать Его руки («Страшно впасть в руки Бога живого». Евр. 10:31). Но да будет благословенна Его благодать, одно писание во время этих припадков бегства окликало меня вдогонку: «Изглажу беззакония твои, как туман, и грехи твои, как облако; обратись ко Мне, ибо Я искупил тебя» (Ис.44:22). Это, как я сказал, приходило мне на ум, когда я убегал от лица Божьего, ибо я убегал от Его лица, то есть, мой разум и дух спасались бегством от Него. По причине Его величия я не мог выдержать, тогда Библейский текст кричал: «Обратись ко мне». Он

кричал громко, очень сильным голосом: «Обратись ко Мне, ибо Я искупил тебя». Это действительно заставляло меня сделать короткую остановку и, так сказать, обернуться через плечо поглядеть, не смогу ли различить, что Бог благодати следовал за мной с прощением в Его руке. Но едва я собирался сделать это, как всё снова заволакивалось облаками и мрачнело из-за того изречения: «Ибо вы знаете, что после того он, желая наследовать благословение, был отвержен; не мог переменить мыслей, хотя и просил о том со слезами». Поэтому я не мог удержаться и бежал, хотя иногда оно кричало: «обратись, обратись», как будто окликая меня сзади, но я боялся приблизиться к нему, как бы оно не было не от Бога, ибо то другое, как я сказал, по-прежнему звучало в моей совести: «Ибо вы знаете, что после того он, желая наследовать благословение, был отвержен и т. д.»

174. Однажды я прохаживался взад-вперёд по лавке одного доброго человека, оплакивая себя в том печальном и скорбном состоянии, заставляя себя испытывать самоотвращение за ту злую и нечестивую мысль, сокрушаясь об этом прискорбном случае, что я совершил такой великий грех, сильно боясь, что я не буду прощён, также молясь в сердце, чтобы Господь показал мне, не отличается ли этот мой грех от того, который против Святого Духа. Я был тогда готов провалиться от страха, как вдруг случилось, что в окно словно ворвался шум ветра, налетевший на меня, только очень приятный, и я будто услышал голос, говорящий: «Ты когда-нибудь отказывался быть оправданным кровью Христа?» И в то же время весь период моей жизни, когда я исповедовал религию, был открыт мне во мгновение, в которое я успел увидеть, что умышленно я не отказывался, так что моё сердце, вздыхая, сказала: «Нет». Затем одно Слово Божие с силой коснулось меня: «Смотрите не отвратитесь и вы от говорящего» (Евр. 12:25). При этом странное чувство охватило моё сердце; это писание принесло с собой свет и установило тишину в моём сердце от всех тех беспорядочных мыслей, которые до этого как бродячие адские псы рычали и ревели, и создавали страшный шум внутри меня. Оно также показало мне, что Иисус Христос ещё имеет Слово благодати и милости для меня, что Он не вконец (как я боялся) покинул и бросил мою душу. Более того, это был как бы упрёк за мою склонность к отчаянию, как бы угроза, если я не возложил, не смотря на мои грехи и их гнусность, своё спасение на Сына Божьего. Но что касается моего

определения этого странного посещения, чем оно было, я не знаю; или откуда оно пришло, я не знаю. Я всё ещё не могу и спустя двадцать лет судить об этом; я думал тогда, как долго я буду не желающим говорить. Но, воистину, тот внезапно ворвавшийся ветер был словно ангелом, приходившим ко мне; но и его, и это приветствие я оставляю до дня Суда. Только одно скажу, он установил великую тишину в моей душе; он убедил меня, что есть ещё надежда; он показал мне, как я подумал, что является непростительным грехом, и что моя душа всё ещё имела благословенную привилегию прибегать к Иисусу Христу за милостью. Но, как я сказал, касательно этого посещения, я всё ещё не знаю, что сказать о нём, что также было истинной причиной, почему я об этом сперва не говорил в этой книге; я теперь предоставляю мужам здравого суждения подумать об этом. В вопросе своего спасения я не на это ставлю ударение, но на Господа Иисуса, на обетование; однако, понимая, что я здесь раскрываю свои тайны, я подумал, что позволить этому также появиться не будет совсем нецелесообразным, хотя я не могу теперь рассказать об этом деле как тогда, когда я пережил его. Послевкусие этого длилось в течение трёх или четырёх дней, а затем я начал сомневаться и отчаялся снова.

175. Поэтому моя жизнь была по-прежнему не ясна для меня, не ведающего в какую сторону я склонюсь; я находил только, что моя душа желала как раз броситься к подножию благодати в молитве и прощении. Но ох! это было для меня тогда трудным, осмелиться молиться о милости Христу, против Которого я самым подлым образом согрешил. Это была трудная работа, как я сказал, попытаться посмотреть в лицо Тому, против Которого я так подло согрешил, и, действительно, я обнаружил, что также трудно придти к Богу в молитве после отступления от Него, как сделать что-либо другое. О! стыд, который теперь сопутствовал мне, особенно, когда я думал, что собираюсь молить Его о милости, что я считал таким лёгким только некоторое время назад! Я был пристыжён, более того, поставлен в тупик, потому что мной была совершена эта подлость. Но я видел, что у меня был только один выход, – я должен идти к Нему и смирить себя перед Ним, и умолять, чтобы Он по Своей удивительной милости показал жалость ко мне и помиловал мою несчастную грешную душу.

176. Когда искуситель опомнился, он сильно внушал мне, что я не должен молиться Богу, ибо молитва в моём случае – не для каждого, и не могла принести мне ничего хорошего, потому что я отверг Посредника, через Которого все молитвы с одобрением приходят к Богу Отцу, и без Которого никакая молитва не может придти в Его присутствие, поэтому молиться сейчас означает только прибавить ко греху грех. «Более того, молиться сейчас, видя, как Бог тебя гонит прочь, является ещё одним способом рассердить и оскорбить Его ещё больше, чем ты сделал прежде».

177. «Ибо Бог, – говорит он, – уже устал от тебя за эти несколько лет, потому что ты не Его; твои рыдания в Его ушах не были для Него приятным звуком, поэтому Он и позволил тебе согрешить тем грехом, чтобы ты мог быть совсем отсечён, и ты всё ещё хочешь молиться?» К этому подстрекал дьявол и приводил из книги Чисел: когда Моисей сказал детям Израиля, из-за того, что они не пошли завладеть землёй, когда Бог посылал их, по этой причине Он больше никогда их туда не посылал, хотя они молились, как могли, со слезами (Чис. 14:36, 37 и т. д.).

178. Как это сказано в другом месте (Исх. 21:14), человек, который грешит намеренно будет взят на смерть даже от жертвенника Божьего, как Иоав был взят царём Соломоном, когда он думал найти там убежище (3 Цар. 2:28 и т. д.). Эти места прижали меня очень болезненно. «Всё же мой случай – безнадежный, – думал я в себе. – Я могу только умереть, и если должно быть так, однажды скажут, что такой-то умер у ног Христа в молитве». Я сделал это, но с великим трудом (Бог знает), и в том числе из-за того, что высказывание об Исаве всё ещё лежало у меня на сердце, даже подобно пламенному мечу, чтобы охранять путь к древу жизни, чтобы я не взял от него и жил. О! кто знает, насколько трудно, как я обнаружил, придти к Богу молитве!

179. Я также желал молитв людей Божьих за меня, но я боялся, что Бог не даст им одобрения делать это; более того, я дрожал в душе от мысли, что тот или другой из них вскоре скажет мне, что Бог сказал имте слова, которые Он однажды сказал пророку касательно детей Израиля: «Не молись за этот народ, ибо Я отверг их». (Иер. 11:14). Итак: «Не молись за него, ибо я отверг его». Более того, я подумал, что

Он уже шепнул это кому-то из них, только они не осмеливались сказать мне так, ни я не осмеливался из-за страха спросить их, не было ли этого. Это сводило меня с ума. «Человек знает исток греха (сказал Спира), но кто загородит его устье?»

180. Примерно в это время я получил возможность поделиться своими мыслями с одним старым Христианином и рассказал ему всё о своём случае. Я рассказал ему также, что боюсь, что я согрешил грехом против Святого Духа, и он рассказал мне, что он тоже так думал. Поэтому в тот момент я получил лишь слабое утешение, но поговорив с ним немного, я обнаружил, что он, хотя и добрый человек, но не много знает о сражении с дьяволом. Поэтому я снова пошёл к Богу как умел, всё ещё за милостью.

181. В то время искусьитель принялся глумиться надо мной в моём несчастье, говоря, что я, дескать, так отлучился от Господа Иисуса и вызвал недовольство Того, Кто стоял между моей душой и пламенем пожирающего огня, что теперь был только один путь, и вот какой – молиться, чтобы Бог Отец стал посредником между Его Сыном и мной, чтобы мы снова могли примириться, и чтобы я мог иметь в Нём то благословенное преимущество, которым наслаждаются Его благословенные святые.

182. Тогда моей душой завладело такое писание:

«Но Он тверд; и кто отклонит Его?» (Иов 23:13). О! я понимал, было бы так же легко убедить Его сотворить новый мир, новый завет или новую Библию, кроме тех, что мы уже имеем, как и молиться о подобном деле. Следовало убедить Его, что уже сделанное Им было просто глупостью и склонить Его изменить, более того, аннулировать весь путь спасения. И затем такое высказывание рвало мою душу на части: «нет ни в ком ином спасения, ибо нет другого имени под небом, данного человеку, которым надлежало бы нам спастись»(Деян.4:11,12).

183. В то время самые доступные и полные благодати слова Евангелия были величайшим мучением для меня. Более того, ничто так не заставляло меня страдать, как мысли об Иисусе Христе, воспоминание о Спасителе (потому что я прогнал Его) приводило на память мерзость моего греха, и мою потерю из-за него. Ничто так не ранило мою совесть как это. Всякий раз, когда я думал о Господе Иисусе, о Его благодати, любви, благости, доброте, великодушии, кротости, смерти, крови, обетованиях и благословенных увещеваниях, ободрениях, утешениях, это проходило через мою душу как меч, ибо тем моим рассуждениям о Господе Иисусе по-прежнему прилежались такие мысли в моём сердце: «Да, это Иисус, любящий Спаситель, Сын Божий, с Которым ты разлучён, Которым ты пренебрёг, Которого презрел и оскорбил. Это – единственный Спаситель, единственный Искупитель, единственный, Кто смог так возлюбить грешников, что омыл их от грехов их Своею собственной, самой драгоценной кровью, но ты не имеешь части, ни жребия в Этом Иисусе. Ты выставил Его от себя. Ты сказал в своём сердце: «Пусть Он уходит, если хочет», поэтому теперь ты отлучён от Него; ты отлучил себя от Него. Посмотри на Его благость, но тебе не быть её причастником». О! подумал я, что я потерял, с чем расстался! Какого наследства лишилась моя бедная душа! О! печально быть разрушенным благодатью и милостью Божьей, иметь Агнца, Спасителя, превратившегося во льва и разрушителя (Отк. 6). Я также трепетал, как я сказал, при виде святых Божьих, особенно тех, что сильно любили Его, и которые сделали своим занятием постоянно ходить с Ним в этом мире, ибо они и в своих словах, и в осанке, и во всех своих выражениях нежности и боязни согрешить против их драгоценного Спасителя осуждали, возлагали вину и также добавляли постоянное

страдание и стыд моей душе. Страх перед ними был на мне, и я трепетал перед Божьими Самуилами (1 Цар. 16:4).

184. Тогда искуситель сызнова начал глумиться над моей душой другим способом, говоря, что Христос на самом деле сочувствовал моему случаю и сожалел о моей потере, но поскольку я согрешил и преступил так, как я преступил, Он никоим образом не может мне помочь, ни спасти меня от того, чего я опасался, ибо мой грех не был той же природы, как и тех, за которых Он пролил кровь и умер, также он не считался среди тех, которые были возложены на Него, когда Он висел на кресте; поэтому, если Он не сойдёт с Небес и не умрёт заново за этот грех, хотя Он действительно очень сочувствует мне, всё же я не смогу иметь от Него никакой пользы. Эти вещи кому-то могут показаться нелепыми, даже слишком нелепыми, каковыми они и являются, но для меня они были мучительнейшими размышлениями; каждая из них увеличивала моё страдание, что Иисус Христос имел так много любви, чтобы посочувствовать мне, в то время как Он не мог мне помочь. И я не думал, что причина, почему Он не мог мне помочь в том, что Его заслуги были слабы, или Его благодать и спасение уже потрачены на других, но потому что Его верность Своим предостережениям не позволяла Ему распространить Свою милость на меня. Кроме того я думал, как я уже упоминал, что мой грех не находился в границах того помилования, которое содержалось в обетовании, а если нет, тогда я знал несомненно, что скорее небеса и земля прейдут, чем я получу вечную жизнь. Так что почва всех тех моих страхов основывалась на крепкой вере, каковую я имел в непоколебимость святого Божьего Слова, а также на моём заблуждении относительно природы моего греха.

185. О! сколько страдания это добавило мне, – представить себе, что я виновен в таком грехе, за который Он не умирал. Эти мысли так смущали меня и связывали меня, и не давали мне верить, что я не знал, что и делать. «О, – думал я, – если бы Он сошёл снова! О! если бы труд искупления человека ещё только предстоял Христу! Как бы я умолял Его и упрашивал Его посчитать и рассматривать этот грех среди остальных, за которые Он умер!» Но следующее писание сразило меня как мёртвого: «Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает: смерть уже не имеет над Ним власти» (Рим. 6:9).

186. Таким образом из-за этих странных и необычных нападок искусителя моя душа была как разбитый сосуд, как унесённая ветрами и бросаемая с головой в отчаяние; иногда на основании завета дел, а иногда – желать, чтобы новый завет и его условия могли быть (как я сам мечтал) обращены совсем на другой путь и изменены. Но во всех них я был подобен тому, кто наталкивается на скалы, ещё более разбитый, разрушенный и разодранный. О! немыслимые фантазии, испуг, страхи и ужасы, вызываемые всецело поглощающим чувством вины, переходящим в безумие! Это человек, имевший жилище в гробах с мёртвыми, который всегда кричал и ранил себя о камни (Мар.5:1-3). Но, как я сказал, всё напрасно; безумие не успокоит его, ветхий завет не спасёт его; мало того, скорее небеса и земля прейдут, чем однаюта или черта Слова и закона благодати потеряет силу или прейдёт. Это я видел, это я чувствовал, и над этим стенал. Всё же такую пользу я получил от этого, а именно, дальнейшее подтверждение незыблемости пути спасения, и что Писание является Словом Божьим. О! я не могу теперь выразить, что тогда видел и чувствовал касательно неизменности Иисуса Христа, Скалы спасения человека. Что было сделано, не могло быть отменено, изменено, ни добавлено к тому. Я видел, действительно, что грех мог увести душу от Христа, именно грех, являвшийся непростительным; но горе тому, кто был так уведён, ибо Слово не впустит его.

187. Таким образом я всегда проваливался, чтобы я ни думал или делал. Так в один день я шёл в соседний город и присел на улице на скамью, и впал в очень глубокую задумчивость о том, в какое ужаснейшее состояние привёл меня мой грех, и после долгого размышления я поднял свою голову, где сидел, но мне показалось, я увидел, как будто солнце, которое сияет в небе, неохотно даёт свет, и как будто самые камни на улице и черепица на домах ошетинились против меня. Мне казалось, что они сговорились вместе сжить меня со свету. Я был им противен и недостоин жить среди них или быть соучастником их благ, потому что я согрешил против Спасителя. О, каким счастливым тогда было всякое творение, над которым я был! Ибо они устояли и сохранили своё положение, а я был погибшим и потерянным.

188. Тогда разразившись в горечи своей души, я сказал себе с горестным вздохом: «Как Бог может утешить такого несчастного?» Не успел я сказать это, как мне словно эхо ответил голос: «Этот грех не к смерти», на что я стал будто восставшим из могилы и снова возопил: «Господи, как ты можешь находить такие слова как эти!» Ибо я был наполнен восторгом из-за соответствия и неожиданности изречения, соответствия слов и выбора момента. Мне было удивительно найти силу, сладость и свет, и славу, которые пришли вместе с ними. Тогда в течение некоторого времени я был избавлен от сомнений относительно того, о чём я был в сомнениях прежде. Моими страхами до того были такие, что мой грех был непростительным, и что я не имел права молиться, каяться и т. д., или что, если я это делал, это не принесло бы мне никакого блага, ни пользы. «Но теперь, – подумал я, – если этот грех не к смерти, тогда он – простителен, поэтому я имею ободрение прийти к Богу через Христа за милостью, созерцать обетование прощения, которое стоит с распостёртыми объятьями, чтобы принять меня наравне с другими». Так что это было великим облегчением моему разуму, думать, что мой грех был простительным, что он не был грехом к смерти (1 Инн. 5:16,17). Никто, кроме тех, которые знают (по их собственному опыту), какой была моя беда, не может знать, какое облегчение пришло в мою душу через это размышление. Это являлось для меня освобождением от прежних оков и убежищем от прежней бури. Казалось, я встал на ту же почву с другими грешниками и имел такое же право на слово и молитву, как любой из них.

189. Тогда, как я сказал, я был в надеждах, что мой грех не являлся непростительным, но что для меня могли быть надежды получить прощение. О! как тогда Сатана наносил удары направо и налево, чтобы снова свалить меня! Но он никоим образом не мог этого сделать ни в тот день, ни большую часть следующего, ибо это благое изречение стояло как верстовой столб за моей спиной. Но к вечеру следующего дня я почувствовал, как эти слова начали оставлять меня и отзываться свою поддержку от меня, и так я вернулся к своим старым страхам снова, но с большой долей недовольства и раздражения, ибо я боялся тоски и отчаяния, и вера моя тогда не могла долго удерживать эти слова.

190. Но вечером следующего дня, находясь под многими страхами, я пошёл искать Господа, и когда я молился, я вопиял, и моя душа вопияла к Нему такими словами с сильным воплем: «О Господи, я умоляю Тебя, покажи мне, что Ты возлюбил меня вечной любовью!» (Иер. 31:3). Не успел я сказать это, как с любезностью раздалось мне в ответ словно эхо, или звуча вновь: «Любовью вечною я возлюбил тебя». Тогда в покое я пошёл спать. И когда на следующее утро я пробудился, это по-прежнему было у меня на душе, и я верил этому.

191. Но искушитель всё ещё не оставил меня, ибо не менее сотни раз в тот день он пытался нарушить мой мир. О, сражения и столкновения, с которыми я тогда встретился, когда старался держаться за эти слова; напоминание об Исаве налетало на меня как молния. Взлёты и падения иногда бывали у меня по двадцати раз за час. Бог всё ещё поддерживал меня и держал моё сердце на этих словах, отчего в течение нескольких дней я имел также сладостное чувство и утешающую надежду на помилование, ибо мне было разъяснено таким образом: «Я любил тебя, когда ты совершал этот грех, Я любил тебя прежде этого, Я по-прежнему люблю тебя, и Я буду любить тебя вечно».

192. Однако мой грех всё ещё казался мне самым жестоким и отвратительным преступлением, и я мог только заключить с великим стыдом и изумлением, что ужасно оскорбил святого Сына Божьего; поэтому я чувствовал, что моя душа сильно любит и соболезнует Ему, и моя внутренность стремиться к Нему, ибо я увидел, что Он по-прежнему был моим другом и воздал мне добром за зло. Более того, любовь и привязанность, горевшие тогда во мне к моему Господу и Спасителю Иисусу Христу, возбудили в то время такое сильное и горячее желание отмщения самому себе за оскорбление, которое я нанёс Ему, что (как я тогда думал) имел я тысячу галонов крови в своих венах, я мог бы тогда свободно излить её всю в распоряжение и к ногам моего Господа и Спасителя.

193. И когда я размышлял таким образом, и изучал, рассуждая, как любить Господа, и выражать Ему свою любовь, ко мне пришло такое высказывание: «Если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, - Господи! кто устоит? Но у тебя прощение, да благоговеют пред Тобою» (Пс. 129:3,4). Это были добрые слова для меня, особенно последняя

часть, а именно, что у Господа прощение, чтобы благоговели пред Ним; то есть, как я тогда понимал это, чтобы Его любили и почитали, ибо это было мне разъяснено таким образом: что великий Бог так высоко ценит любовь Своих бедных тварей, что Он скорее бы простил их грехи, чем остался без их любви.

194. И тогда такие слова исполнились на мне, и я также был укреплен ими: «для того, чтобы ты помнила и стыдилась, и чтобы вперед нельзя было тебе и рта открыть от стыда, когда Я прощу тебе все, что ты делала, говорит Господь Бог» (Иез.16:63). Так была моя душа в то время (и, как я тогда думал, навсегда) освобождена от беспокоившего прежде чувства вины и ужаса.

195. Но прошло не много недель, и я снова начал падать духом, боясь, как бы я, не смотря на всё, чем я до того наслаждался, не обманулся и не был уничтожен в конце. Ибо следующее рассуждение крепко засело в моей голове, что какое бы утешение и мир, которые я думал, что я мог бы иметь из Слова обетования жизни, всё же если только могло быть найдено в подкрепление мне совпадение и согласие в Писании, позволяющее мне думать о том, чего я желаю от этого, и никогда не держал этого так крепко, я не найду в конце ничего подобного этому: «и не может нарушиться Писание» (Инн. 10:35).

196. И вот моё сердце снова начало болеть и бояться, что в конце я могу встретить разочарование. Поэтому я начал со всей серьёзностью исследовать моё прежнее утешение и рассматривать, сумел ли кто-то, согрешивший также как я, убежденно уповать на верность Божью, положился ли на эти слова, которыми я был утешен, и к которым я склонился. Но тогда мне на ум пришли следующие высказывания: «Ибо невозможно - однажды просвещенных, и вкусивших дара небесного, и соделавшихся участниками Духа Святого, и вкусивших благого глагола Божия и сил будущего века, и отпадших, опять обновлять покаянием» (Евр. 6:4-6). «Ибо если мы, получив познание истины, произвольно грешим, то не остается более жертвы за грехи, но некое страшное ожидание суда и ярость огня, готового пожрать противников» (Евр. 10:26,27). «Как Исав, за одну снедь отказался от своего первородства. Ибо вы знаете, что после того он, желая наследовать благословение, был отвержен; не мог переменить мыслей, хотя и просил о том со слезами» (Евр. 12:16,17).

197. И вот слово Евангелия было отнято от моей души, так что никакого обетования или ободрения не могло быть найдено в Библии для меня. И вот какое высказывание воздействовало на мой дух, чтобы огорчать меня: «Не радуйся, Израиль, до восторга, как другие народы» (Ос. 9:1). Ибо я действительно видел, существует причина для радости тех, которые держаться Иисуса, но что касается меня, я отсёк себя своими преступлениями и не оставил себе ни опоры для ноги, ни за что ухватиться рукой среди всех опор и поддержек в драгоценном Слове жизни.

198. И воистину, я тогда чувствовал себя проваливающимся в пропасть, как дом, фундамент которого разрушен. Я уподоблял себя в этом состоянии ребёнку, который упал в мельничную запруду, который хотя мог бы как-то попытаться уцепиться и распластаться в воде, всё же не найдя опоры ни руке, ни ноге, по этой причине должен умереть в этом положении. Как только это свежее нападение устремилось на мою душу, на сердце мне пришло такое писание: «Это на многие дни» (Дан. 10:14). И, действительно, я нашёл, что это было так, ибо я не мог освободиться, ни обрести снова мир, пока не прошли почти два с половиной года. Поэтому те слова, хотя сами по себе они вели к упадку духа, всё же для меня, который боялся, что это состояние будет вечным, они временами были в помощь и подкрепление.

199. Ибо, думал я, многие дни — это не навсегда, у многих дней будет окончание. Поэтому видя, что мне предстояло страдать не недолгие, но многие дни, всё же я был рад, что это только в течение многих дней. Таким образом, как я сказал, я иногда напоминал себе и подавал себе помощь, ибо как только эти слова приходили мне на память, во-первых я знал, что моё затруднение будет долгим, однако оно будет только временами, ибо я не мог всегда думать об этом, ни когда-либо избавиться от него, хотя я сделал это.

200. В то время, когда Писание находилось передо мной и снова указывало на грех у моих дверей, слова в восемнадцатой главе Луки, вместе с другими, поощряли меня к молитве. Тогда искушитель снова чувствительно навалился на меня, внушая, что ни милость Божья, ни кровь Христа не имеют ко мне отношения вообще и не могут помочь мне от моего греха, поэтому молиться не стоит. «Всё же, - подумал я, -

я буду молиться». «Но, - сказал искуситель, - твой грех — непростительный». «Пусть, - сказал я, - я буду молиться».»В этом никакого смысла», - сказал он. «Всё же, - сказал я, я буду молиться». И так, я пошёл молиться Богу. И когда я был в молитве, я произносил слова в таком смысле: «Господи, Сатана говорит мне, что ни Твоя милость, ни кровь Христа не могут спасти мою душу. Господи, буду ли я почитать Тебя более всего, веря, что Ты желаешь и можешь? Господи, я бы лучше почтил Тебя, веря, что Ты желаешь и можешь».

201. И когда я таким образом находился перед Господом, следующее писание захватило моё сердце: «О женщина, велика вера твоя» (Мат. 15:28). Даже словно кто-то похлопал меня по спине, когда я был на коленях перед Богом. Всё же я не мог поверить, что это была молитва веры ещё почти шесть месяцев после того, ибо я не мог и подумать, что я имел веру, или что для меня имелось слово, чтобы задействовать веру; поэтому я был всё ещё как бы застрявшим в пасти отчаяния и ходил взад-вперёд горюя, в печальном состоянии.

202. Не было ничего тогда, чего бы я желал больше, чем быть избавленным от сомнения, что касается этого вопроса, и когда я страстно желал знать, была ли в самом деле для меня надежда, такие слова пришли громогласно мне на ум: «Неужели навсегда отринул Господь, и не будет более благоволять? Неужели навсегда престала милость Его, и пресеклось слово Его в род и род? Неужели Бог забыл миловать? Неужели во гневе затворил щедроты Свои?» (Пс. 76:8-10). И всё время они пробегали в моей голове, мне казалось, что это было ответом. Это вопрос, затворил ли Он или нет. Возможно, что нет. Более того, вопросительная форма, мне казалась, несла в себе несомненное подтверждение, что на самом деле Он не затворил и не отринул, но будет благоволять, что Его обетование не потеряло силу, и что Он не забыл миловать и во гневе не затворил щедроты. Нечто также было у меня на сердце в то же самое время, что теперь я не могу припомнить, что вместе с этим текстом согревало моё сердце и приводило меня к заключению, что Его милость не могла полностью прекратиться, и не престала навсегда.

203. В другое время, помнится, я снова обдумывал этот вопрос: была ли кровь Христа способна спасти мою душу? В таком сомнении я находился с утра и примерно до семи или восьми вечера и, наконец,

когда я был, так сказать, полностью измучен страхом, как бы оно не овладело мной, в моём сердце внезапно прозвучали такие слова: «Он способен». Но мне показалось, это слово «способен» было мне сказано громко, оно представлялось большим словом, оно казалось написанным большими буквами и дало такую оплеуху моему страху и сомнению (я имею в виду, что в течение того времени, когда оно оставалось во мне, что длилось в течение одного дня), как я никогда неимел от этого за всю мою жизнь, ни прежде, ни после (Евр. 7:25).

204. Но одним утром, когда я снова был в молитве и трепетал в страхе, что никакое слово Божие не может мне помочь, меня пронзила как стрелой часть следующего высказывания: «Довольно благодати Моей». При этом мне показалось, что я почувствовал некую опору, как будто ещё могла быть надежда. О, как прекрасно, когда Бог посылает Своё слово! Ибо около двух недель ранее я смотрел на тоже самое место, и тогда я подумал, что оно не может подойти для моей души в качестве утешения, поэтому я бросил свою книгу с раздражением. Тогда я думал, что она не была достаточно большой для меня; нет, не достаточно большая; но теперь она как будто имела руки благодати раскинутыми так широко, что могла заключить в них не только меня, но ещё и намного больше таких как я.

205. Этими словами я был поддержан в течение семи или восьми недель, всё же не без чрезвычайных столкновений, ибо мой мир колебался иногда по двадцати раз на дню; утешение сейчас, тревога немного спустя; мир сейчас, и прежде, чем я мог пройти осьмушку мили, – настолько полон страха и вины, насколько может вмещать сердце. И это было не только время от времени, но всё это моё семинедельное переживание, ибо слова о достаточности благодати и те об отказе Исава от своего первородства были подобны паре чашек весов в моей голове: иногда одна была сверху, а иногда – другая, в соответствии с чем были либо мир, либо тревога.

206. Поэтому я ещё молил Бога, чтобы Он вошёл в моё сердце этим писанием более полно, то есть, чтобы Он помог мне применить всё предложение целиком, ибо пока я не мог. Он дал это, как я думал, но дальше идти я не мог, ибо пока оно помогло мне только надеяться, что может быть для меня есть милость, – «Довольно благодати Моей». И хотя оно не пошло дальше, оно отвечало на мой прежний вопрос, то

есть, что есть надежда, однако, поскольку «для тебя» было опущено, я не был удовлетворён, а молился Богу и об этом также. Поэтому в один день, когда я был в собрании Божьих людей полный печали и ужаса, ибо мои страхи снова усилились, и в то время, когда я подумал, что моей душе ничуть не стало легче, но мой случай – самый печальный и страшный, эти слова с великой силой вмешались в ход моих мыслей:

«Довольно благодати Моей для тебя. Довольно благодати Моей для тебя. Довольно благодати Моей для тебя», – три раза подряд. О, мне показалось, что каждое слово было для меня огромным словом, как «довольно», и «благодати», и «Моей», и «для тебя»! Они были тогда, а иногда и теперь, намного больше остальных.

207. В тот раз моё понимание было настолько просвещено, что я как будто увидел Господа Иисуса, смотрящего с небес вниз на меня сквозь черепицу и обращающегося ко мне с этими словами. Это отправило меня в дом плача, оно разбило моё сердце и наполнило меня радостью, и опустило меня до земной пыли; только оно не долго оставалось со мной, я имею в виду, в такой славе и укрепляющем утешении. Однако, это продолжалось в течение нескольких недель и поощряло мою надежду. Но как только такое мощное его воздействие было отнято от моего сердца, то другое, об Исаве, возвратилось ко мне, как раньше. Итак, моя душа снова висела как бы на двух чашах весов, иногда вверху, иногда внизу, сейчас в мире, а тотчас снова в ужасе.

208. Таким образом я продолжал в течение многих недель, иногда утешаемый и иногда мучимый, и особенно иногда моё мучение становилось очень болезненным, ибо все те вышеупомянутые места из Послания Евреям представляли предо мной, как единственные изречения, державшие меня вне Небес. Тогда я снова начинал сокрушаться, как только та мысль приходила ко мне. Так же я думал сам в себе таким образом: «Ну, как много писаний имеется против меня? Имеется только три или четыре. А не может ли Бог не обращать на них внимания и спасти меня от них всех?» Временами я снова думал: «О, если бы не эти три или четыре места, как бы я теперь мог утешиться!» И иногда я едва мог удержаться от желания изъять их из Книги.

209. Тогда, мне казалось, я видел, словно и Пётр, и Павел, и Иоанн, и все писатели смотрели на меня с презрением и насмехались надо

мной, и словно говорили мне: «Все наши слова – истина, одно – такой же силы как и другое. Это не мы отсеки тебя, но ты сам изгнал себя. Из наших изречений нет ни одного, на которое ты должен опереться, кроме этих и таких как эти: «Это невозможно» (Евр. 6); «Не остается более жертвы за грехи» (Евр.10); и «Лучше бы им не познать пути правды, нежели, познав, возвратиться назад от преданной им святой заповеди» (2Пет. 2:21); «Не может нарушиться Писание» (Инн.10:35).

210. Они, как старейшины города убежища, как мне виделось, должны были быть судьями и моего дела, и меня, тогда как я стоял с мстителем за кровь у меня за спиной, с трепетом ожидая избавления в их воротах, также с тысячей страхов и сомнений. Я сомневался, что они впустят меня насовсем (Иис. Н. 20:3,4).

211. Таким образом я запутался, не зная, что делать или как рассеять сомнения в этом вопросе: могли ли Писания сойтись в спасении моей души? Я дрожал от Апостолов; я знал, что их слова истинны, и что они должны стоять вечно.

212. И помню, в один день, когда я бывал в разных расположениях духа и рассматривал, как эти расположения соответствовали природе нескольких писаний, приходивших мне на ум: если это о благодати, тогда я успокаивался, но когда об Исаве, тогда был мучим. «Господи, - подумал я, - если бы оба этих писания встретились в моём сердце одновременно, мне интересно, которое из них возьмёт верх». Итак, мне казалось, мой разум страстно желал, чтобы они могли придти ко мне оба вместе; более того, я ожидал этого от Бога.

213. Итак, примерно два или три дня спустя так и случилось, они принесли ко мне оба одновременно и действовали, и странно боролись во мне в течение какого-то времени. Наконец то, о первородстве Исавы начало слабеть, и отступать, и исчезать, а это, о достаточности благодати одержало победу с миром и радостью. И когда я был в размышлении об этом, мне вспомнилось такое писание: «Милость превозносится над судом» (Иак. 2:13).

214. Это было удивительно для меня, однако воистину, я склонен думать, что это было от Бога, ибо Слово закона и гнева должно уступать место Слову жизни и благодати, потому что хотя Слово осуждения и было славно, всё же Слово жизни и спасения намного

превосходит его в славе (2 Кор. 3:8-11; Мар. 9:5-7). Также как Моисей и Илия должны оба исчезнуть и оставить Христа и Его святых одних.

215. Следующее писание также принесло приятное посещение моей душе: «И того, кто приходит ко мне ни коим образом не изгоню вон» (Инн. 6:37) [согласно KJV – пер.]. О, что за утешение я получил от этих слов «ни коим образом»! Как если бы кто сказал: «Ни в коем случае, что бы он ни сделал». Но Сатана много потрудился, чтобы утащить от меня это обетование, рассказывая мне, что Христос не имел в виду меня и таких как я, но грешников более низкого разряда, которые не делали того, что я сделал. Но я снова ответил ему: «Сатана, здесь в этих словах нет такого исключения, но «того, кто приходит», того, любого того». «Того, кто приходит ко мне ни коим образом не изгоню вон». И я всё ещё хорошо помню это, что из всех уловок, которые использовал Сатана, чтобы забрать от меня это писание, всё же большего он добился, поставив такой вопрос: «Но правильно ли ты пришёл?» И мне кажется, причина была в том, что он думал, что мне вполне известно, чем является правильный приход; ибо я видел, что придти правильно означало придти таким как есмь, низким и нечестивым грешником, и броситься к ногам милости, осуждая себя за грех. Если когда-либо за всю мою жизнь Сатана и я боролись за какое-либо Божье слово, так именно за эти благие слова Христа; он с одной стороны, а я с другой. О, сколько трудов мы положили! Из-за слов в Иоанна, как я сказал, мы так боролись и рвали; он тянул, и я тянул; но, хвала Богу, я одолел его. Я извлёк из них определённую сладость.

216. Но не смотря на всю эту помощь и благословенные слова благодати, всё же то место о продаже Исавом своего первородства временами ещё мучило мою совесть; ибо хотя я был с любовью утешен, к тому же только что, однако, когда оно приходило мне на ум, оно снова заставляло меня бояться. Я не полностью избавился от этого. Оно каждый день было со мной, поэтому тогда я стал действовать другим способом, а именно, рассматривать природу той богохульной мысли, я имею в виду, если я возьму эти слова в широком смысле и придам им их собственное естественное значение и цель, именно каждое слово из этого. Итак, когда я таким образом рассуждал, я нашёл, что если бы они были взяты беспристрастно, они бы означали, что я предоставил Господу Иисусу Христу свободный

выбор, будет ли Он моим спасителем или нет, ибо теми злыми словами были следующие: «Пусть уходит, если Он хочет». Тогда такое писание давало мне надежду: «Не оставлю тебя и не покину тебя» (Евр. 13:5). «О Господи! – сказал я, – но я оставил Тебя». Тогда оно снова ответило: «Но Я не оставлю тебя». За это я также благодарю Бога.

217. Но я всё ещё мучительно боялся, что Он оставит, и находил чрезвычайно трудным доверять Ему, видя, как я оскорбил Его. Я был бы чрезвычайно рад, если бы та мысль никогда не возникала, ибо тогда, думалось, я смог бы с большей лёгкостью и достаточной свободой положиться на Его благодать. Я видел, что со мной было как с братьями Иосифа: вина из-за их собственного злого поступка часто наполняла их страхами, что их брат в конце-концов презрит их (Быт.50:15-17).

218. Кроме всех писаний, когда-либо встретившихся мне, ещё одно стало величайшим утешением для меня, то место из двадцатой главы Иисуса Навина, где говорится об убийце, которому пришлось бежать за убежищем. И если мстящий за кровь преследует убийцу, тогда, говорит Моисей, старейшины города убежища не выдадут его в его руки, потому что он без умысла убил ближнего своего и не имел к нему ненависти до того. О, благословен Бог за эти слова! Я был убеждён, что я был убийцей, и что мстящий за кровь преследует меня. Я чувствовал великий ужас. Теперь мне оставалось только вопрошать, есть ли у меня право войти в город убежища. Итак я обнаружил, что не мог тот, кто лежал в засаде, чтобы пролить кровь. Это не был умышленный убийца, но тот, кто без умысла сделал это, тот, кто сделал это нечаянно, не по злобе, или из зависти, или по злему умыслу, тот, кто пролил её без умысла, именно тот, кто не имел до этого ненависти к своему ближнему. Поэтому,

219. я подумал, я воистину тот человек, который может войти, потому что я поразил Ближнего своего без умысла, и до этого не ненавидел Его. Я не ненавидел Его до этого, нет, я молился Ему, избегал грешить против Него. Более того, я боролся против того злого искушения прежде в течение целого года. Более того, также когда оно прошло через моё сердце, оно проникло только сквозь мои зубы. Поэтому, я подумал, я имею право войти в этот город, а старейшины,

которые есть Апостолы, не должны выдать меня. Так что это было великим утешением для меня и дало мне почву для надежды.

220. Однако будучи очень дотошным (ибо моё горе привело к тому, что я не знал, какая почва будет достаточно надёжной, чтобы выдержать меня) я имел один вопрос, который моя душа сильно желала разрешить, и вот какой: было ли возможно для какой-нибудь души, согрешившей непростительным грехом, всё же после этого получить, хотя бы только в малейшей степени, истинное духовное утешение от Бога через Христа? В последствии много размышляя об этом, я нашёл, что ответ был нет, и вот по каким причинам:

221. Во-первых, потому что те, кто согрешили этим грехом лишены участия в крови Христа и, будучи не допущены к этому, они непременно должны быть лишены малейшей почвы для надежды, а также духовного утешения, ибо для таких «не остаётся более жертвы за грехи» (Евр. 10:26). Во-вторых, потому что им отказано в участии в обетовании жизни: «Не простится ему ни в сем веке, ни в будущем» (Мат. 12:32). В третьих, Сын Божий исключает их также из участия в Его благословенном посредничестве, постыдившись признать их и перед Своим святым Отцом, и благословенными ангелами в Небесах (Мар. 8:38).

222. Когда я очень взвешенно рассмотрел этот предмет и смог сделать только одно заключение, что Господь утешил меня и к тому же после такого моего злого греха, тогда мне казалось, я отважился близко подойти к тем самым страшным и ужасным писаниям, которыми я был всё это время так сильно напуган, и на которые в самом деле прежде я едва осмеливался бросить взгляд (более того, сотню раз с трудом сдерживал желание изъять их из Библии), ибо я думал, что они разрушат меня. Но теперь, как я сказал, я начал понемногу осмеливаться подходить к ним близко, чтобы их прочесть, рассмотреть и ощутить их цели и тенденции.

223. Когда я начал это делать, я нашёл, что их облик изменился, ибо они выглядели не такими жестокими, какими они мне казались прежде. И во-первых, я обратился к шестой главе Послания Евреям, ещё трепеща от страха, что она пристукнет меня, и рассмотрев которую, я нашёл, что падение, которое там подразумевается, является полным отпадением, то есть, как я постиг, отпадением от Благой

Вести прощения грехов Иисусом Христом и её абсолютным отрицанием, ибо с них Апостол начинает свои доводы (стихи 1-3). Во-вторых, я нашёл, что это отпадение должно быть публичным, именно на виду у мира, с тем, чтобы выставить Христа на открытый позор. В третьих, я нашёл, что те, кого он там подразумевал, были навечноотлучены от Бога и в ослеплении, и в ожесточении, и в нераскаянности. Невозможно им опять быть обновлёнными покаянием. По этим особенностям я нашёл, к вечной Божьей хвале, что мой грех не был грехом, который подразумевается в этом месте.

Во-первых, я исповедовал, что я был упавшим, но не отпадшим, то есть от исповедания веры в Иисуса к вечной жизни.

Во-вторых, я исповедовал, что своим грехом я выставил Иисуса Христа на позор, но не открытый позор. Я не отрекался от Него перед людьми, ни осудил Его перед миром как бесполезного.

В третьих, я также не находил, чтобы Бог заключил меня, или не допускал меня приходить (хотя я нашёл, что это действительно тяжёлая работа — приходить) к Нему в печали и покаянии. Да будет благословен Бог за Его неисследимую благодать!

224. Затем я рассмотрел место в десятой главе Послания Евреям и нашёл, что произвольный грех, который там упоминается, не является любым произвольным грехом, но тем, который отвергает Христа ипотом также Его заповеди. Во-вторых, это также должно быть сделано публично, перед двумя или тремя свидетелями, чтобы соответствовать закону (стих 28). В третьих, этот грех не может быть совершён кроме, как с великим пренебрежением по отношению к Духу благодати, презирая как отговаривания от этого греха, так и уговаривания к противоположному. Но Господь знает, хотя этот мой грех и был дьявольским, всё же он не числился среди тех.

225. И что касается места в двенадцатой главе Послания евреям, о продаже Исавом своего первородства, хотя это и было тем, что убивало меня и стояло против меня как копьё, однако, теперь я рассматривал, во-первых, что его мысль не была поспешной мыслью вопреки постоянной работы его ума, но мысль согласившаяся и к тому же осуществлённая, и это после некоторого обдумывания (Быт. 25). Во-вторых, это было публичное и открытое действие, а именно перед его

братом, если не перед многими. Это сделало его грех более отвратительной природы, чем он был бы в противном случае. В третьих, он продолжал пренебрегать своим первородством: «И он ел и пил, и встал и пошел; и пренебрег Исав первородство» (стих 34). Более того, двадцать лет спустя обнаружилось, что он всё ещё пренебрегал им: «Исав сказал: у меня много, брат мой; пусть будет твое у тебя» (Быт. 33:9).

226. Теперь что касается того, как Исав искал место покаяния [согласно KJV – пер.]. Я думал таким образом: во-первых, это было не ради первородства, но благословения. Это ясно видно у Апостола, а также разделяется самим Исавом: «Он взял первородство мое, и вот, теперь взял благословение мое» (Быт. 27:36). Во-вторых, рассматривая это теперь таким образом, я снова обратился к Апостолу, чтобы посмотреть, какой могла быть Божья мысль в Новозаветном роде и смысле касательно греха Исав. И насколько я мог постичь, мысль Божья была такова: первородство означает возрождение, а благословение – вечное наследство, ибо, кажется, Апостол намекает на это: «Чтобы не было [между вами] какого блудника, или нечестивца, который бы, как Исав, за одну снедь отказался от своего первородства»; как если бы он сказал: «Который откажется от всех тех благословенных источников Божьих, которые в настоящее время на нём для нового рождения, чтобы они не стали как Исав, а именно, не были отвергнуты впоследствии, когда они пожелают наследовать благословение».

227. Ибо есть многие, кто в день благодати и милости пренебрёг теми вещами, которые на самом деле являются правом первородства для Небес, кто к тому же, когда настанет решающий день, восплачет также громко, как Исав: «Господи, Господи, отвори нам», но тогда, какне раскаялся Исаак, не раскается и Бог Отец, но скажет: «Тех я благословил, более того, они и будут благословлены. Но что касается вас, отойдите, вы – делатели беззакония» (Быт. 27:33; Лук. 13:25-27).

228. Когда я рассмотрел таким образом те писания и нашёл, что понимать их так было не против, но в согласии с другими писаниями, то это добавило ещё больше к моему ободрению и утешению, а также нанесло сильный удар по тому возражению, то есть, что Писания не могли согласиться в вопросе спасения моей души. И теперь оставались

только отголоски бури, ибо гром был уже позади меня, падали только отдельные капли, которые время от времени попадали в меня. Но поскольку мои прежние страхи и мучения были очень болезненными и глубокими, они ещё часто приключались со мной, как это случается с теми, кто был напуган огнём. В каждом голосе мне слышалось: «Огонь! Огонь!» Каждое лёгкое прикосновение ранило мою чувствительную совесть.

229. Но в один день, когда я проходил через поле, также имея некоторые удары совести, боясь, как бы всё не оказалось неправильным, внезапно такое изречение запало мне в душу: «Твоя праведность на Небе», и вдобавок мне показалось, что я увидел глазами своей души Иисуса Христа одесную Бога. Там, как я сказал, находится моя праведность; так что где бы я ни был, или что бы я ни делал, Бог не мог бы сказать обо мне, что Он требует мою праведность, ибо это находится прямо перед Ним. Кроме того я также увидел, что это не было моё доброе расположение сердца, которое бы делало мою праведность лучше, ни моё худое расположение, которое бы делало мою праведность хуже, ибо моей праведностью был Сам Иисус Христос, Тот же вчера, сегодня и вовеки (Евр. 13:8).

230. Тогда мои цепи на самом деле свалились с моих ног. Я был освобождён от своего страдания и оков. Мои искушения также исчезли, так что с того времени те страшные Божьи писания перестали беспокоить меня. Тогда я пошёл домой, радуясь из-за благодати и любви Божьей. Итак, когда я пришёл домой, я посмотрел, не смогу ли найти то изречение: «Твоя праведность на Небе», но не мог найти такого высказывания, поэтому моё сердце снова начало падать. Мне вспомнилось только следующее: Христос Иисус, «Который сделался для нас премудростью от Бога, праведностью и освящением и искуплением» (1Кор. 1:30). Из этих слов я увидел, что другое изречение истинно.

231. Ибо через это писание я увидел, что Человек Иисус Христос, в то время как Он отделён от нас, что касается Его телесного присутствия, является нашей праведностью и святостью перед Богом. Поэтому в течение некоторого времени я проводил приятную жизнь в мире с Богом через Христа. О, я думал, Христос! Христос! Для меня не существовало ничего кроме Христа. Я теперь не смотрел только на

одно или другое благо во Христе по отдельности, как от Его крови, смерти, воскресения, но воспринимал Его как цельного Христа, как Того, в Ком все те и все Его другие добродетели, отношения, служения и действия сошлись вместе, и что Он сидит одесную Бога на Небе.

232. Славно было мне видеть Его величие, и ценность и преобладание всех Его достоинств, и это потому, что теперь я мог перевести взгляд с себя на Него и считать все те Божьи достоинства, которые были во мне теперь незрелыми, подобными тем треснутым мелким монетам, которые богатые люди носят в своих кошельках, в то время, как их золото находится дома в сундуке. О, я видел, что моё золото было дома в сундуке, во Христе, моём Господе и Спасителе! Теперь Христос стал всем: всей моей мудростью, всей моей праведностью, всей моей святостью и всем моим искуплением.

233. Далее Господь ввёл меня также в тайну союза с Сыном Божиим, что я был соединён с Ним, что я был плоть от плоти Его и кость от кости Его; и теперь мне были приятны слова в Эфес. 5:30. Этим также моя вера в Него, как и моя праведность, более утвердилась во мне, ибо если Он и я были одно, тогда Его праведность была моей, Его заслуги – моими, Его победа – также моей. Теперь я мог видеть себя и на Небе, и на земле одновременно: на Небе через моего Христа, мою Главу, мою Праведность и Жизнь, а на земле через моё тело и личность.

234. Теперь я видел, что Бог смотрел на Христа Иисуса, и мы должны смотреть на Него также, как на собирательную личность, в Которой всё Тело Его избранных должно всегда рассматриваться и подразумеваться; что мы исполнили Закон в Нём, умерли в Нём, восстали из мёртвых в Нём, получили победу над грехом, смертью, дьяволом и адом, в Нём. Когда Он умер, мы умерли, и то же относительно Его воскресения. «Оживут мертвецы Твои, вместе с Моим мёртвым телом восстанут они», – говорит Он (Ис. 26:19) [согласно KJV — пер.]. И снова: «Оживит нас через два дня, в третий день восставит нас, и мы будем жить пред лицом Его» (Ос. 6:2). Это теперь исполняется водворением Сына Человеческого одесную Величия на Небесах, в соответствии со словами в Послании Эфессянам:

«и воскресил нас с Ним, и посадил на небесах во Христе Иисусе» (Еф.2:6).

235. Ах, эти благословенные размышления и писания, со многими другими подобного характера в те дни заставляли блеснуть мои глаза, так что я имею причину говорить: «Хвалите Бога во святине Его, хвалите Его на тверди силы Его. Хвалите Его по могуществу Его, хвалите Его по множеству величия Его» (Пс. 150:1,2).

236. Таким образом я передал вам в нескольких словах вкус печали и страдания, через которые прошла моя душа по причине вины и ужаса, к которым меня привела моя злая мысль, и также коснулся моего избавления от этого и приятного и благословенного утешения, которое я нашёл впоследствии, каковое утешение пребывало на моём сердце около года к моему невыразимому восторгу. А сейчас я открою вам (если Бог позволит) перед тем, как продолжу дальше, в одном- двух словах, что, как я постигаю, было причиной этого искушения, и также после этого, насколько полезным, в конце концов, это стало для моей души.

237. Причин же, как я постиг, было, главным образом две; в них к тому же я был глубоко убеждён всё время, пока на мне лежала эта беда. Первая была в том, что получив освобождение от искушения, приходившего раньше, я не молил Бога хранить меня от искушений, которым предстояло придти. Ибо хотя, как я могу сказать по истине, моя душа много молилась перед тем, как это испытание охватило меня, всё же тогда я молился исключительно, или в основном, ради удаления сиюминутных трудностей и ради откровения Его любви во Христе, что, как я увидел впоследствии, было не достаточно. Я также должен молиться, чтобы великий Бог хранил меня от зла, которому предстояло придти.

238. Это я глубоко осознал через молитву святого Давида, который пребывая под имевшейся милостью, однако молился, чтобы Бог охранял его от будущего греха и искушения. «Тогда, – говорит он, – я буду непорочен и чист от великого развращения» (Пс. 18:14). Этими самыми словами я был уязвлён и осуждён в продолжение этого долгого искушения.

239. Были также и другие слова, сильно осуждавшие меня за мою глупость в пренебрежении этой обязанностью (Евр. 4:16). «Посему да приступаем с дерзновением к престолу благодати, чтобы получить милость и обрести благодать для благовременной помощи». Этого я не

сделал и поэтому таким образом пострадал от греха и падения, в соответствии с написанным: «Молитесь, чтобы не впасть вам в искушение». И воистину, это самое имеет для меня в настоящее время такой вес и внушает трепет, что я не осмеливаюсь, когда предстаю перед Богом, подняться с колен, пока не попрошу у Него помощи и милости против искушений, которым предстоит придти. И я умоляю тебя, читатель, чтобы ты научился остерегаться такой небрежности через страдания, которым из-за этого я в течение дней, месяцев и лет подвергался в печали.

240. Другая причина этого искушения была в том, что я искушал Бога. И вот каким образом я делал это. Однажды когда моя жена была беременна и прежде, чем пришло ей время родить, у неё начались схватки, как у женщин в родах, очень болезненные и сильные, как если бы она немедленно стала рожать и разрешилась преждевременно. В это самое время случилось, что я был так сильно искушаем усомниться в существовании Бога, поэтому когда моя жена лежала около меня, крича, я сказал, но со всей воображимой скрытностью только думая в своём сердце: «Господи, если Ты теперь избавишь мою жену от этого ужасного страдания, и сделаешь, чтобы этой ночью она больше не была потревожена (и тут как раз у неё были схватки), то я узнаю, что Ты можешь различать самые тайнысердечные мысли».

241. Не успел я сказать это в сердце, как схватки у неё прекратились и она погрузилась в глубокий сон и так проспала до утра, чему я очень удивился, не зная, что и думать. Но прободрствовав немалое время и больше не слыша её криков, я также заснул, так что когда я пробудился утром, мне вспомнилось как раз то, что я сказал в сердце прошлой ночью. И теперь Господь показал мне, что он знал мои тайные мысли, что сильно изумляло меня в течение нескольких недель после.

242. Итак, примерно через год с половиной та злая, грешная мысль, о которой я сказал раньше, пришла в моё злое сердце; вот эта мысль: «Пусть Христос уходит, если Он хочет». Итак, когда я был повержен из-за этого в чувство вины, воспоминание о другой моей мысли и её результате пришло ко мне с таким резким ответом, нёсшим в себе

упрёк: «Теперь ты можешь видеть, что Бог знает самые тайные сердечные мысли».

243. И вместе с этим, некоторые события происходившие между Господом и Его слугой Гедеоном запали мне в душу, потому что Гедeon искушал Бога своей овечьей шерстью, и сухой, и влажной, тогда как он должен был верить и полагаться на Его слова. Поэтому Господь впоследствии так испытывал его, когда посылал его против бесчисленного войска врагов, и к тому же, касательно внешнего проявления, без какой либо силы или помощи (Суд. 6,7). Таким образом Он поступил со мной, и это справедливо, ибо я должен был верить Его слову, не выставлять условий всеведению Божьему.

244. А теперь покажу вам что-то из полезного, что я извлёк из этого искушения. И первое, посредством этого я стал постоянно обладать в своей душе чудесным ощущением как благословения, так и славы Божьей и Его возлюбленного Сына. В искушении, приходившем раньше, моя душа была смущена неверием, богохульством, жестокосердием, сомнениями в существовании Бога, Христа, истинности Слова и несомненности будущего мира. Как я сказал, тогда я подвергался нападениям и мучим атеизмом, но тут был иной случай; теперь Бог и Христос постоянно были передо мной, хотя и не в качестве утешения, но в качестве чрезвычайного страха и ужаса. Слава Божьей святости в то время разрывала меня на кусочки, а сочувствие и сострадание Христа словно колесовали меня, ибо я не мог рассматривать Его иначе, как потерянного и отвергнутого Христа, воспоминание о Котором было как постоянное переламывание моих костей.

245. Писание также было для меня удивительной вещью. Я видел, что его истинность и правдивость были ключами к Царствию Небесному. Те, к кому Писание благосклонно, должны наследовать блаженство; но те, кому оно противостоит и кого осуждает, должны погибнуть навечно. О, эти слова, «и не может нарушиться Писание», разрывали сорочку моего сердца, а также и другое: «Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся». Как мне виделось тогда, Апостолы являются старейшинами города убежища (Иис.Н. 20:4). Те, кого они должны были принять, принимались в

жизнь, но те, кого они не впускали, должны быть убиты мстящим за кровь.

246. О, одно изречение из Писания беспокоило и ужасало мой разум более, я имею в виду те изречения, которые стояли против меня (как иногда я думал о каждом из них) более, как я сказал, чем армия из сорока тысяч человек, могущих выступить против меня. Горе тому, против кого направлено Писание.

247. Через это искушение я стал способен видеть больше в природе обетований, чем видел когда-либо прежде, ибо тогда я пребывал в трепете под могущественной Божьей рукой, постоянно разрываемый и раздираемый громогласным говорением Его правосудия. Это заставляло меня с осторожным сердцем и наблюдательным оком свеликим страхом переворачивать каждый лист, и с большим прилежанием, смешанным с трепетом, рассматривать каждое предложение, вместе с его природным смыслом и широтой.

248. Посредством этого искушения я был весьма удержан от своей прежней глупой практики откладывания слова обетования, когда я видел, что оно приходило мне на ум. Ибо тогда, хотя я не мог всасывать то утешение и сладость от обетования, как я делал в другие времена, однако, подобно тонущему человеку, я хватался за всё, что видел. Прежде я думал, что не могу браться за обетование, если я не почувствовал в нём утешения, но теперь не было времени делать таким образом, мстящий за кровь ожесточённо преследует меня.

249. Поэтому тогда я был рад ухватиться за то слово, которым, как я всё же боялся, у меня нет основания или права владеть, или даже заглянуть за пазуху того обетования, которое, как я боялся, закроет от меня своё сердце. Тогда я также старался принимать Слово, как его поставил Бог, не ограничивая природную силу ни единого его слога. О, что я увидел тогда в той благословенной шестой главе Иоанна: «И того, кто приходит ко Мне ни коим образом не изгоню вон» (стих 37). Тогда я начал считать, что Божьи уста больше, чтобы ими говорить, чем моё сердце, чтобы вместить. Я также думал сам в себе, что Он не говорил своё слово в спешке, или сгоряча, но с бесконечной мудростью и рассудительностью, и в самой истине и верности.

250. В те дни в своих величайших муках я часто просто бросался к обетованиям (как лошади бросаются к твёрдой земле, когда они проваливаются в трясине), заключая (хотя как тот, кто почти лишился рассудка от страха), что на этом я успокоюсь и останусь, а его исполнение предоставлю Богу Небес, давшему его. О, как много тягалось моё сердце с Сатаной за эту благословенную шестую главу Иоанна! Тогда я не искал, как в другие времена, главным образом утешения (хотя, о, каким желанным было бы оно для меня!), но тогда одного слова, одного слова, чтобы опереться изнемогшей душе, чтобы она не погибла навеки! Вот за чем я охотился.

251. Более того, обращаясь к обетованию, часто я видел, как будто Господь отвергает мою душу навеки. Часто случалось, что я как будто бежал на пики, и как будто Господь пронзал меня как пламенеющим мечом, чтобы держать меня вне. Тогда я думал об Эсфири, которая подала прошение царю вопреки закону (Эсф. 4:16). Я думал также о слугах Венедада, которые пошли с верёвками на своих головах к своим врагам просить милости (3 Цар. 20:31). Женщина хананейка, которая также не была обескуражена, хотя и названа Христом псиной (Мат.15:22), и человек, который пошёл занять хлеба в полночь (Лук. 11:5-8), были для меня великим ободрением.

252. Я никогда не видел тех высот и глубин в благодати, любви и милости, какие я увидел после этого искушения. Великие грехи извлекают великую благодать; и где самая ужасная и лютая вина, там милость Бога во Христе, когда она показана душе, проявляется всех выше и могущественнее. Когда Иов прошёл через своё пленение, он получил вдвое больше того, чем имел прежде (Иов 42:10). Да будет благословен Бог за Иисуса Христа, Господа нашего! Много других вещей я мог бы здесь обозреть, но буду краток и поэтому теперь опущу их. И молю Бога, что бы мой ущерб мог заставить других бояться грешить, чтобы и им также не пришлось носить железное ярмо как мне.

Два или три раза при освобождении от этого искушения у меня было такое необыкновенное понимание благодати Божией, что я едва мог выносить это. Это было настолько сверх меры изумительно, когда я думал, что это могло достичь меня, что я думаю, если бы ощущение

этого долго оставалось на мне, оно бы сделало меня неспособным к работе.

253. Теперь я продвинулся вперёд, чтобы изложить вам, как Господь имел дело со мной в разные другие времена, и об искушениях, с которыми я встретился тогда. Я начну с того, с чем я встретился, когда я впервые вступил в общение с народом Божиим в Бедфорде. После того, как я заявил церкви, что моим желанием было участвовать с ними в порядке и заповедях Христа, и был также принят ими, в то время, когда я думал об этой благословенной заповеди Христа, каковой была Его последняя вечеря с Его учениками перед Его смертью, то место Писания: «сие творите в Моё воспоминание» (Лук.22:19), явилось для меня драгоценным Словом, ибо в нём Господь сошёл на моё сознание с откровением о Его смерти за мои грехи и, как я тогда почувствовал, словно окунул меня в силу этого. Но вот, не долго я был участником этой заповеди, как меня стали посещать при этом каждый раз такие лютые и ужасные искушения, чтобы хулить эту заповедь и желать нечто смертоносное тем, кто тогда ел от этого. Чтобы я не оказался в каком-либо время виновным в согласии с этими злыми и страшными мыслями, я был вынужден всё время склоняться в молитве Богу, чтобы Он удержал меня от такой хулы, и также взывать к Богу о благословении хлеба и чаши для них, когда она переходила от уст к устам. Причина этого искушения, как я понял впоследствии, была в том, что я не приступал к участию в этом с тем почтением, которое с самого начала было мне необходимо.

254. Так я продолжал в течение трёх четвертей года, и не мог иметь ни покоя, ни облегчения. Но, наконец, Господь сошёл на мою душу с тем же самым местом Писания, которым моя душа была посещена прежде, и после этого я обычно чувствовал себя очень хорошо и спокойно, участвуя в этой благословенной заповеди, и, я надеюсь, различал в этом Тело Господне, как преломленное ради моих грехов, и что Его драгоценная кровь была пролита за мои преступления.

255. Однажды у меня как будто начиналась чахотка, и весной меня внезапно и сильно схватило, с выраженной слабостью во внешнем человеке; настолько, что я думал, что не смогу жить. Теперь я снова предался серьезному исследованию своего положения и состояния для будущего, а также о своих основаниях претендовать на этот

благословенный мир грядущий: ибо это было, благословляю имя Божие, моим обычным делом всегда, а особенно в день болезни, стараться сохранить свою заинтересованность в будущей жизни ясной перед моими глазами.

256. Но только я начал припоминать свой прежний опыт благости Божьей к моей душе, как в моём уме всплыло бесчисленное множество моих грехов и проступков; среди которых в то время больше всего меня огорчали такие; а именно: моя мёртвость, тупость и холодность в святых обязанностях; мои блуждания сердца, моя утомляемость во всех добрых делах, недостаток во мне любви к Богу, Его путям и людям, и в конце концов, — Разве это плоды Христианства? Разве это признаки благословенного человека?

257. При этих опасениях моя болезнь удвоилась; ибо теперь я был болен в своём внутреннем человеке, моя душа была переполнена чувством вины; теперь и мои прежние переживания благости Божией ко мне были совершенно стёрты из моей памяти и скрыты, как будто их никогда не было, и не было видно: теперь моя душа была крепко зажата между этими двумя мыслями: жить я не должен, умереть я не смею. Теперь я тонул и пал в своём духе, и всё считал потерянным; но когда я ходил взад и вперед по дому, как человек в самом горестном состоянии, моим сердцем овладело такое Слово Божье: «получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе» (Рим. 3:24). Но о! какой переворот это совершило во мне!

258. Теперь я был как человек, проснувшийся от мучительного сна и сновидения; и слушая это небесное изречение, я слышал его, изложенное мне как бы таким образом: «Грешник, ты думаешь, что из-за твоих грехов и слабостей Я не могу спасти твою душу; но вот, Мой Сын рядом со Мной, и на Него Я смотрю, а не на тебя, и поступлю с тобой так, как Мне угодно поступить с Ним». При этом мне стало значительно легче в моём разуме, и я понял, что Бог может оправдать грешника в любое время; достаточно было, чтобы Он взглянул на Христа и вменил нам Его заслуги, и дело было немедленно завершено.

259. И когда я был в таком раздумье, также такое место Писания сошло с великой силой на мой дух: «Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости» и т. д. (2 Тим. 1:9; Тит. 3:5). Теперь, когда я поднялся на высоту, я увидел себя в

объятиях благодати и милости; и хотя перед этим я боялся думать о смертном часе, теперь я закричал: «Позволь мне умереть». Теперь смерть была приятной и прекрасной в моих глазах, потому что я увидел, что мы никогда не будем жить по-настоящему, пока не уйдем в другой мир. О! Мне казалось, что эта жизнь — всего лишь сон по сравнению с той, что в небесах. В это время я также увидел больше в словах «наследники Божьи» (Рим. 8:17), чем когда-либо я смогу выразить, пока живу в этом мире: «Наследники Божьи!» Сам Бог является уделом святых. Я видел это и удивлялся этому, но не смогу рассказать вам, что я видел.

260. Снова, когда я в другое время был очень болен и слаб, всё то время искушитель также сильно осаждал меня (ибо я вижу, что он горазд нападать на душу; когда она начинает приближаться к могиле, тогда для него наступает удобный случай), стараясь скрыть от меня мои прежние переживания Божьей благодати; также представляя мне ужасы смерти и суда Божьего, настолько, что в это время, из-за моего страха погибнуть навсегда (умри я сейчас), я был как умерший ещё до прихода смерти, и был, как если бы я чувствовал себя уже сходящим в преисподнюю. Кажется, я сказал: «Нет никакого выхода, но в ад я должен идти». Но вот, как раз когда я был среди этих страхов, эти слова о переносе Лазаря ангелами на лоно Авраамово, нахлынули на меня, словно кто-то сказал: «Так будет с тобою, когда ты покинешь этот мир». Это сладко оживило мой дух и помогло мне надеяться на Бога; и когда я некоторое время с утешением размышлял над этим, такие слова большим весом упали в мой разум: «О смерть, где твоё жало? О могила, где твоя победа?» (1 Кор. 15:55). При этом я сразу выздоровел и телом, и разумом, ибо моя болезнь вскоре прошла, и я снова спокойно совершал свою работу для Бога.

261. В другой раз, хотя перед этим я был вполне здоров и бодр духом, однако внезапно на меня напало великое облако тьмы, которое настолько скрыло от меня дела Бога и Христа, что я был, как если бы я никогда не видел или не знал их в своей жизни. Я также был настолько охвачен в душе своей бессмысленным бессердечным настроением духа, что не мог чувствовать, чтобы душа моя двигалась или волновалась вслед за благодатью и жизнью Христовой. Я чувствовал себя так, как будто мои чресла были разбиты, или как будто мои руки

и ноги были связаны или скованы цепями. В это время я также почувствовал некоторую слабость, охватившую моего внешнего человека, что сделало другое страдание ещё более тяжелым и неприятным для меня.

262. Пробыв в таком состоянии дня три или четыре, сидя у огня, я вдруг почувствовал, как в моём сердце прозвучали слова: «Я должен пойти к Иисусу». При этом моя прежняя тьма и атеизм улетучились, и благословения небес предстали перед моим взором. В то время, как я был таким образом застигнут врасплох этой неожиданностью: «Жена, – сказал я, – есть ли такое место Писания, что я должен пойти к Иисусу?» Она ответила, что не может сказать, поэтому я сидел всё ещё размышляя, чтобы увидеть, смогу ли я вспомнить такое место. Я сидел не больше двух или трёх минут, как это пронзило меня: «и тьмам Ангелов», и вместе с тем, двенадцатая глава к Евреям, о горе Сион, была представлена моим глазам (Евр. 12:22–24).

263. Тогда я с радостью сказал жене: «О! теперь я знаю, я знаю!» Но тот вечер был для меня хорошим вечером, у меня было только немного лучших. Я жаждал общества некоторых из Божьих людей, чтобы я мог передать им то, что Бог показал мне. В ту ночь Христос был драгоценным Христом для моей души. Я едва мог лежать в своей постели от радости, мира и торжества из-за Христа. Эта великая слава не пробывала на мне до утра, но всё же двенадцатая глава Автора к Евреям (Евр. 12:22,23) была для меня благословенным местом Писания в течение многих дней после этого.

264. Слова эти таковы: «Но вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живого, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судье всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства, и к Ходатаю нового завета Иисусу, и к Крови кропления, говорящей лучше, нежели Авелева». Через это благословенное изречение Господь снова и снова подводил меня сперва к этому слову, а потом к тому, и показал мне чудесную славу в каждом из них. С тех пор эти слова часто приносили моему духу великое подкрепление. Благословен Бог, что смилостивился надо мной.

КРАТКИЙ ОТЧЁТ О ПРИЗВАНИИ АВТОРА НА ТРУД В СЛУЖЕНИИ

265. И теперь, когда я рассказываю о своем опыте, в этом месте я вставлю пару слов о моей проповеди Слова, а также о том, как Бог имеет со мной дело в отношении этого. Ибо после того, как я был пробужден в течение пяти или шести лет и смог увидеть как нужду в Иисусе Христе, нашем Господе, так и ценность Его, а также сумел вверить Ему свою душу; некоторые из наиболее способных среди святых, находящихся с нами, имею в виду, наиболее способных к суждению и святости жизни, насколько они постигли, действительно поняли, что Бог счёл меня достойным понять нечто из Его воли в Его святом и благословенном Слове, и дав мне в какой-то мере дар слова, чтобы выразить то, что я видел, другим в назидание; поэтому они пожелали, причем с большой серьезностью, чтобы я был готов временами на одном из собраний взять и сказать им слово увещевания.

266. Это, хотя поначалу сильно удручало и смущало мой дух, всё же, будучи по-прежнему ими желаемым и упрашиваемым, я согласился на их просьбу и сделал дважды на двух отдельных собраниях (но при закрытых дверях), хотя и с большой слабостью и немощью, обнаружил среди них мой дар. При этом не просто показалось, но они торжественно заявили перед лицом великого Бога, что они были одновременно и тронуты, и утешены; и возблагодарили Отца милостей за дарованную мне благодать.

267. После этого иногда, когда некоторые из них отправлялись в деревню учить, они также хотели, чтобы я пошел с ними; где, хотя я до сих пор не осмеливался и не использовал свой дар открыто, хотя и более частным образом, тем не менее, когда я приходил к добрым людям в тех местах, я иногда говорил им слово увещевания также; что они, как и другие, принимали с радостью о милости Божией ко мне, подтверждая, что души их были назидаемы этим.

268. Поэтому, если быть кратким; наконец, будучи по-прежнему желаемым церковью, после торжественной молитвы к Господу с постом я был вызван особым образом и назначен на более обычную и публичную проповедь Слова не только к и среди уверовавших, но также предлагать Евангелие тем, кто еще не принял веру в него. Примерно в это время я очевидным образом нашёл в своём разуме тайное побуждение к этому; хотя, благословляю Бога, не из желания тщеславия; ибо в то время я сильнее всего был поражен раскаленными стрелами дьявола касательно моего вечного состояния.

269. Но всё же я не мог быть удовлетворен, если бы не был найден за применением своего дара, к чему меня также весьма воодушевляли не только постоянные пожелания благочестивых, но и то высказывание Павла к Коринфянам: «Прошу вас, братия (вы знаете семейство Стефаново, что оно есть начаток Ахаии, и что они посвятили себя на служение святым), будьте и вы почтительны к таковым и ко всякому содействующему и трудящемуся» 1 Кор. 16:15,16).

270. Из этого текста я увидел, что Святой Дух никогда не имел намерения, чтобы люди, обладающие дарами и способностями, хоронили их в земле, но скорее повелевал и возбуждал таковых к использованию своего дара, а также одобрял тех, которые были склонны и готовы так делать. Они посвятили себя служению святым. Эти дни это место Писания постоянно крутилось у меня в голове, чтобы ободрить меня и укрепить меня в моей работе для Бога. Меня также ободряли несколько других мест Писания и примеров благочестивых людей, как указанные в Слове, так и в других древних историях: Деяния 8:4 и 18:24,25 и др.; 1 Пет. 4:10; Рим. 12:6; Книга мучеников Фокса.

271. Посему, хотя я из всех святых самый недостойный; тем не менее, я, но с великим страхом и трепетом, видя свою собственную слабость, приступил к работе и проповедовал в соответствии со своим даром и мерой моей веры то благословенное Евангелие, которое Бог показал мне в святом Слове истины, и когда в этой местности поняли это, они приходили послушать слово сотнями, и это со всех концов, хотя и по разным и различным причинам.

272. И я благодарю Бога за то, что Он дал мне некоторую меру жалости и сострадания к их душам, что также побудило меня с

большим усердием и серьёзностью трудиться, чтобы найти такие слова, которые могли бы, если бы Бог благословил, захватить и пробудить совесть; в чём также благой Господь уважил желание Своего слуги; ибо не долго я проповедовал, как некоторые начали умиляться и сильно сокрушаться от сознания тяжести своего греха и своей нужды в Иисусе Христе.

273. Но я сперва не мог поверить, что Бог может говорить через меня к сердцу какого-либо человека, все ещё считая себя недостойным; однако те, кого это коснулось, полюбили меня и возымели ко мне особое уважение; и хотя я и скрывал от себя, что они были пробуждены мной, но они всё же исповедовали это и подтверждали это перед святыми Божьими: они также благословляли Бога за меня (недостойного бедолагу, каким я являюсь) и считали меня Божьим инструментом, показавшим им путь спасения.

274. Поэтому, видя, что они и в своих словах, и в делах так постоянны, и также в своих сердцах так настойчиво стремятся к познанию Иисуса Христа, радуясь тому, что Бог посылал меня туда, где они были; тогда я начал приходить к выводу, что возможно это и так, что Бог использовал в Своей работе такого глупого, как я; и тогда такое слово Божье пришло к моему сердцу с сильным сладостным освежением: «Благословение погибавшего приходило на меня, и сердцу вдовы доставлял я радость» (Иов 29:13).

275. Посему я возрадовался этому; да, слезы тех, кого Бог пробудил моей проповедью, были для меня и утешением, и ободрением, ибо я размышлял над такими высказываниями: «Кто обрадует меня, как не тот, кто огорчен мною?» (2 Кор. 2:2); и еще: «Если для других я не Апостол, то для вас *Апостол*; ибо печать моего апостольства - вы в Господе» (1 Кор. 9:2). Таким образом, эти вещи были для меня ещё одним аргументом, что Бог призвал меня и стоял подле меня в этой работе.

276. В своей проповеди Слова я обращал особое внимание на одну вещь, а именно на то, что Господь повёл меня начать с того, с чего начинается Его Слово, с грешников; то есть осудить всякую плоть, и открывать и утверждать, что проклятие Божие по закону принадлежит охватывает всех людей, когда они приходят в мир, по причине греха. Теперь эту часть своей работы я выполнял с большим чувством; ибо

ужасы закона и вина за мои преступления лежали тяжким бременем на моей совести: я проповедовал то, что чувствовал, то, что я болезненно чувствовал; даже от чего моя бедная душа стонала и трепетала до изумления.

277. Действительно, я был как посланный к ним из мертвых; я сам ходил в цепях, чтобы проповедовать тем, кто в цепях; и в своей собственной совести носил этот огонь, который я убеждал их осознать. Я могу истинно сказать, и это без лукавства, что, когда я должен был проповедовать, я приходил полный вины и ужаса, даже до двери кафедры, и там он забирался, и я был свободен в своём уме, пока не заканчивал свою работу; и тогда немедленно, ещё не успев спуститься со ступеней кафедры, я был так же плох, как и прежде; тем не менее, Бог поддерживал меня, но, конечно, сильной рукой, потому что ни вина, ни ад не могли оторвать меня от моей работы.

278. Так я продолжал в течение двух лет, крича против грехов людей и их ужасного состояния из-за них. После этого Господь сошёл на мою душу с некоторым устойчивым миром и утешением через Христа; ибо Он дал мне через Него много сладких открытий Своей благословенной благодати; поэтому теперь я изменил свою проповедь (ибо я по-прежнему проповедовал то, что видел и чувствовал); поэтому теперь я приложил много усилий, чтобы представить Иисуса Христа миру во всех Его служениях, отношениях и преимуществах; и стремился также раскрыть, осудить и устранить те ложные поддержки и подпорки, на которые мир опирается, и из-за них падает и погибает. На этих вещах я останавливался так же долго, как и на других.

279. После этого Бог ввёл меня в нечто о тайне союза Христова; поэтому я открыл это и показал им также. И когда я прошёл через эти три главных пункта Слова Божьего, примерно в течение пяти или более лет, я был пойман за моей нынешней практикой и брошен в темницу, где я пробыл столько же времени, чтобы подтвердить истину через страдания, как я прежде свидетельствовал о ней согласно Писаниям, путём проповеди.

280. Когда я проповедовал, я благодарю Бога, что моё сердце часто во время той или другой проповеди с большим усердием взывало к Богу, чтобы Он сделал Слово действенным для спасения души; ещё скорбя, как бы враг не отнял Слово от совести, и оно не стало бы

бесплодным, поэтому я должен был трудиться говорить слово, чтобы тем самым, если бы это было возможно, грех и виновное лицо могли бы быть разделены им.

281. И когда я заканчивал проповедь, мне в сердце приходила мысль, что слово теперь прольётся, как дождь на каменистые места; всё ещё желая от всего сердца, о! чтобы те, кто слышал мои слова в этот день, только увидели, как и я, что такое грех, смерть, ад и проклятие Божье; а также, что такое благодать, и любовь, и милость Божья через Христа к людям в таком состоянии, в каком находятся они, отделённые от Него. И в самом деле, я часто говорил в своём сердце перед Господом: «Если быть повешенным прямо перед их глазами, было бы средством пробудить их и утвердить их в истине, я с радостью согласился бы на это».

282. Ибо во время проповеди, особенно когда я был увлечён учением о жизни по Христу без дел, я чувствовал себя, как если бы ангел Божий стоял за моей спиной, чтобы ободрять меня: О! с такой силой и небесным свидетельством это было на моей душе, пока я трудился, чтобы раскрыть это, продемонстрировать это и закрепить на совести других; что я не мог бы удовлетвориться словами: «Я верю, и я уверен»; мне казалось, что я был более, чем уверен (если позволительно так выражаться), что те вещи, которые я тогда утверждал, были истиной.

283. Когда я впервые поехал проповедовать Слово за границу, доктора и священники этой страны широко выступили против меня. Но я был убеждён в следующем: не воздавать злом за зло; но посмотреть, скольких из их плотских исповедников я смогу убедить в их жалком состоянии по закону и в нужде, и в ценности Христа; ибо, думал я, «Это будет говорить за меня перед ними в следующее время, когда они придут посмотреть награду мою» (Быт. 30:33).

284. Я никогда не стремился вмешиваться в то, что было спорным и в пререкания среди святых, особенно в вещах самой низкой природы; однако я очень желал с великим усердием подвизаться за слово веры и прощение грехов посредством смерти и страданий Иисуса; но как я сказал, что касается прочих вещей, я оставлял их в покое, потому что я видел, что они порождают раздоры; и потому что они ни будучи сделанными, ни оставленными, ни несделанными, не вверяли нас Богу,

чтобы мы были Его; кроме того, я видел, что моя работа передо мной протекала в другом русле, а именно, чтобы нести пробуждающее слово; поэтому я придерживался этого.

285. Я никогда не пытался и не осмеливался использовать чужие слова, Рим. 15:18 (хотя я и не осуждаю всех, кто использует), ибо я искренне думал и убедился на опыте, что то, чему меня научили Слово и Дух Христа, может быть высказано, поддержано и соблюдено самой здоровой и самой установившейся совестью; и хотя я не буду сейчас говорить всё, что знаю по этому вопросу, всё же мой опыт больше заинтересован в этом тексте Писания, Гал. 1:11,12, о чём многие люди осведомлены.

286. Если кто-либо из тех, кто был пробуждён моим служением, после этого отпадал (как иногда слишком многие делали), я могу правдиво сказать, что их потеря была для меня больше, чем если бы один из моих собственных детей, рождённый от моего собственного тела, сошёл в могилу. Я думаю, поистине, я могу сказать это без всякого оскорбления Господа, ничто не задевало меня так сильно, как это; кроме только страха потерять спасение собственной души. Я расценивал это, как если бы у меня были хорошие здания и владения в тех местах, где родились мои дети; моё сердце было настолько окутано славой этого превосходного дела, что я считал себя более благословенным и почитаемым Богом через него, чем если бы Он сделал меня императором Христианского мира или господином всей славы земли без него! О, эти слова: «Обративший грешника от ложного пути его спасёт душу от смерти» (Иакова 5:20). «Плод праведника - дерево жизни, и мудрый привлекает души» (Прит. 11:30).

«Разумные будут сиять, как светила на тверди, и обратившие многих к правде - как звёзды, вовеки, навсегда» (Дан. 12:3). «Ибо кто наша надежда, или радость, или венец похвалы? Не и вы ли пред Господом нашим Иисусом Христом в пришествие Его? Ибо вы - слава наша и радость» (1 Фес. 2:19, 20). Эти, как я сказал, со многими другими, подобными им, были для меня большим освежением.

287. Я заметил, что там, где мне предстояло совершить работу для Бога, я сначала испытывал как бы сошествие Бога на мой дух, с желанием, чтобы я мог проповедовать там. Я также заметил, что такие-то и такие-то души в частности, крепко ложились мне на сердце,

и я был побуждаем желать их спасения; и что те самые души после этого давались мне как плоды моего служения. Я заметил, что слово, брошенное между прочим, производило в проповеди больше действия, чем всё, что было сказано помимо него; иногда также, когда я думал, что не сделал ничего хорошего, тогда я делал больше всего; и в других случаях, когда я думал, что смогу их поймать, я ловил рыбу впустую.

288. Я также заметил, что там, где предстояла работа над грешниками, там дьявол начинал реветь в сердцах и в устах своих слуг; более того, часто, когда злой мир бушевал больше всего, имелись души, пробуждаемые словом. Я мог бы привести подробности, но воздерживаюсь.

289. Моим огромным желанием при исполнении своего служения было проникнуть в самые тёмные уголки страны, даже среди тех людей, которые были наиболее далеки от вероисповедания; но не потому, что я не мог вынести света (потому что я не боялся показать своё Евангелие любому), а потому, что я обнаружил, что мой дух больше всего склонялся к пробуждению и работе по обращению, и слово, которое я нёс, само также склонялось больше всего в ту же сторону. «Притом я старался благовествовать не там, где уже было известно имя Христово, дабы не созидать на чужом основании» (Рим. 15:20).

290. В своей проповеди я действительно был в болях и, как бы, в родовых муках, чтобы родить детей Богу; и я не мог быть удовлетворен, если не появлялись какие-то плоды в моей работе. Если бы я был бесплоден, не имело бы значения, кто меня уважал; но если бы я был плодотворен, меня не заботило бы, кто осуждал. Я подумал об этом: «Вот наследие от Господа: дети; награда от Него - плод чрева. Что стрелы в руке сильного, то сыновья молодые. Блажен человек, который наполнил ими колчан свой! Не останутся они в стыде, когда будут говорить с врагами в воротах (Псалом 126:3-5).

291. Мне совершенно не нравилось видеть людей впитывающих мнения, если они кажутся несведущими в отношении Иисуса Христа и ценности своего собственного спасения, здравого осуждения за грех, особенно за неверие; и сердце, горящее желанием быть спасённым

Христом, с сильным вздыханием по истинно освящённой душе: вот что радовало меня; такие души я считал благословенными.

292. Но в этой работе, как и во всех других, меня преследовали мои искушения, причём разного рода; поскольку иногда я впадал в сильное уныние, опасаясь, что я вообще не смогу сказать ни слова в назидание; более того, что не смогу говорить людям разумно; в это время моё тело охватывала такая странная слабость и бессилие, что мои ноги едва могли донести меня до места проповеди.

293. Иногда снова, когда я проповедовал, на меня с силой нападали мысли о богохульстве, и я был сильно искушаем произнести эти слова своими устами перед собранием. Иногда также, даже когда я начинал говорить слово с большой ясностью, наглядностью и свободой речи, но до того, как эта возможность заканчивалась, я был настолько ослеплён настолько далёк от того, что говорил, и был также настолько затруднён в своей речи, что говорил перед народом, что я как будто не знал или не помнил, о чём это я; или как будто моя голова была в мешке всё время проповеди.

294. Опять же, когда я иногда собирался проповедовать на какой-то резкий и осуждающий отрывок из Слова, я обнаруживал, что искуситель внушает: «Что! ты будешь проповедовать на это! Это осуждает тебя самого; в этом виновата твоя собственная душа; поэтому вообще не проповедай об этом; или, если будешь, то всё же смягчай настолько, чтобы освободить место для собственного бегства; чтобы вместо пробуждения других ты не возложил на свою собственную душу ту вину, из-под которой тебе никогда не выбраться».

295. Но я благодарю Господа за то, что я был удержан от согласия с этими столь ужасными внушениями, и я, наоборот, как Самсон, упирался всю силу, чтобы осудить грех и беззаконие, где бы я их ни находил; более того, даже если в этом я также навлёк бы вину на свою собственную совесть: «Пусть я умру, - думал я, - с филистимлянами» (Судей 16:29,30), чем буду поступать непорядочно с благословенным Словом Божиим. Ты, уча другого, не учишь ли самого себя? Гораздо лучше, если ты судишь самого себя, даже ясно проповедуя другим, чем если ты, чтобы спасти себя, подавляешь истину неправдой. Да будет благословен Бог за Его помощь и в этом.

296. Я также, занимаясь этим благословенным делом Христовым, часто подвергался искушениям гордыни и заносчивости сердца; и хотя не смею сказать, что это меня не затронуло, но воистину Господь по Своей драгоценной милости так донёс это до меня, что по большей части я испытывал лишь маленькое удовольствие, уступая подобному; ибо каждый день мне выпадало быть допущенным ко злу моего собственного сердца и всё ещё видеть в нём такое множество порокови немощей, что это заставляло меня опускать голову при всех моих дарах и достижениях; я чувствовал это жало в плоти (2 Кор. 12:8,9), как милость Божью ко мне.

297. Вместе с этим у меня также было то или иное примечательное место из Слова, представленное мне, и это Слово содержало в себе какое-нибудь резкое и пронзительное высказывание касательно гибели души, несмотря на дары и дела; как, например, такое сослужило мне великую пользу: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я - медь звенящая или кимвал звучащий» (1 Кор. 13:1,2).

298. Звенящий кимвал — это музыкальный инструмент, с помощью которого искусный музыкант может создавать такую мелодичную и возбуждающую сердце музыку, что все, кто слышит его игру, едва могут удержаться от пляски; и всё же вот, кимвал не имеет жизни, и музыка исходит от него не иначе, как из-за искусства играющего на нём; и затем инструмент в конце концов может прийти в негодность и погибнуть, хотя в прошлые времена на нём играли такую музыку.

299. Я видел, что именно так это было и будет с теми, кто имеет дары, но испытывает недостаток в спасительной благодати; они в руке Христа, как кимвал в руке Давида; и как Давид мог с помощью кимвалов творить веселье в служении Богу, чтобы возвышать сердца поклоняющихся, так и Христос может использовать этих одарённых людей, чтобы с их помощью влиять на души Его людей в Его церкви; но когда Он сделает всё, повесит их, как безжизненные, хотя и звучащие кимвалы.

300. Поэтому это соображение, вместе с некоторыми другими, было большей частью как страшный удар по голове гордыни и желания тщеславия. Чем, думал я, буду гордиться, раз я медь звенящая? Неужели так уж сложно быть скрипкой? Разве в самом малейшем

творении, имеющем жизнь, не больше Бога, чем в них? Кроме того, я знал, что любовь никогда не перестаёт, но эти должны прекратиться и исчезнуть; поэтому я пришел к выводу, что немного благодати, немного любви, немного истинного страха Божьего лучше всех даров; более того, и я полностью убежден в этом, что это возможно для душ, которые едва могут дать ответ человеку, только с большим замешательством в отношении способа; я говорю, что возможно для них иметь в тысячу раз больше благодати и таким образом быть более в любви и благоволении Господа, чем некоторым, которые силой дара знания могут говорить как ангелы.

301. Таким образом я пришёл к пониманию того, что, хотя дары сами по себе хороши для того, для чего они предназначены, а именно, для назидания других; однако они пусты и не имеют силы спасти душу того, кто их имеет, если они только одни и есть. Они также не являются признаком счастливого состояния человека, будучи лишь устроением Божиим для некоторых, о чём совершенствовании или несовершенствовании они должны, когда пройдет ещё немного любви, дать отчет Тому, Кто готов судить живых и мёртвых.

302. Это также показало мне, что дары, будучи одни, опасны не сами по себе, а из-за тех зол, которые сопутствуют тем, кто их имеет, а именно гордыни, стремления к тщеславию, самомнения и т. д., всё это легко раздувается при аплодисментах и похвалах каждого неблагоразумного Христианина, подвергая бедное существо опасности впасть под осуждение дьявола.

303. Итак, я увидел, что тому, кто имеет дары, нужно дать увидеть их природу, а именно, что они не позволяют ему быть в истинно спасённом состоянии, чтобы он не успокоился в них и таким образом не лишился благодати Божьей.

304. У него есть также причина ходить смиренно с Богом и быть малым в своих собственных глазах, и помнить при этом, что его дары принадлежат не ему, а церквям; и что благодаря им он стал служителем в церкви; и он также должен, наконец, дать отчёт в своём управлении Господу Иисусу, и дать хороший отчёт будетблагословением.

305. Итак, пусть все люди почитают за малое, со страхом Господним (дары действительно желательны), но всё же великая благодать и малые дары лучше, чем великие дары и отсутствие благодати. Не сказано: Господь даёт дары и славу, но Господь даёт благодать и славу; и блажен тот, кому Господь даёт благодать, истинную благодать; ибо это верный предвестник славы.

306. Но когда сатана понял, что его искушения и нападки на меня не приводят к успеху его замысел, а именно, ниспровергнуть это служение и сделать его неэффективным с точки зрения его целей; тогда он попробовал другой способ, который заключался в том, чтобы возбудить умы невежественных и злобных, чтобы обременить меня клеветой и упрёками. Теперь поэтому я могу сказать, что всё, что мог придумать дьявол, а его орудия изобрести, было пущено против меня по всей стране, думая, как я сказал, что таким образом они заставят меня отказаться от моего служения.

307. Поэтому в народе поползли слухи, что я колдун, Иезуит, разбойник с большой дороги и тому подобное.

308. На всё это я только скажу: Бог знает, что я невиновен. А что касается моих обвинителей, то пусть они приготовятся встретиться со мной перед судом Сына Божьего, чтобы ответить там за всё это (со всеми остальными своими беззакониями), если только Бог не даст им покаяния за них, о чём я молюсь от всего сердца.

309. Но с самой смелой уверенностью сообщалось, что у меня были свои

любовницы, шлюхи, незаконнорожденные; более того, две жены одновременно и тому подобное. Теперь я хвалюсь этой клеветой (вместе с другими), потому что это всего лишь клевета, глупая или плутовская ложь и неправда, брошенная на меня дьяволом и его семенем; и если бы мир не поступал со мной таким злым образом, мне бы не хватало одного признака святого и дитя Божьего. «Блаженны вы, (сказал Господь Иисус) когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас» (Мат. 4:11).

310. Поэтому, что касается меня самого, эти вещи не беспокоят меня; нет, хотя бы их было в двадцать раз больше, чем есть. Я имею добрую совесть, и если обо мне, как о злодее, будут говорить зло, они постыдятся, что ложно обвиняют мою добрую жизнь во Христе.

311. Так что мне тогда сказать тем, кто меня таким образом очернил? Угрожать ли им? Бранить ли их? Льстить ли им? Должен ли умолять их придержать языки? Нет, не я. Если бы всё это не делало их готовыми к проклятию, кто является авторами и подстрекателями, я бы сказал им: «Сообщайте об этом, потому что это увеличит мою славу».

312. Поэтому я привязываю к себе эту ложь и клевету как украшение; моему Христианскому исповеданию свойственно быть поносимым, оклеветанным, порицаемым и оскорблённым; и поскольку всё это не что иное, как свидетельство за меня моего Бога и моей совести, я радуюсь бесчестьем ради Христа.

313. Я также призываю всех этих глупцов, или плутов, которые таким образом сделали это своим занятием, подтвердить любое из вышеназванного обо мне, а именно, что я поступал нечестиво с другими женщинами, или тому подобное. Когда они приложат все свои усилия и проведут самое тщательное расследование, какое только смогут, чтобы показать против меня, что на небесах, или на земле, или в аду есть хоть одна женщина, которая может сказать, что я в любое время, в любом месте, днём или ночью, пытался нечестиво поступить сней; и говорю ли я это, чтобы умолять своих врагов относиться ко мне с уважением? Нет, не я. В этом я ни у кого не буду просить доверия: верьте или не верьте мне в этом, мне всё равно.

314. Мои враги промахнулись, стреляя в меня: я не тот человек: я хочу, чтобы они сами были невиновны. Если бы всех блудников и прелюбодеев в Англии вешали за шеи до самой смерти, Джон Буньян, объект их зависти, был бы всё ещё жив и здоров. Я не знаю, существует ли такая вещь, как женщина, дышащая под небесным сводом, только по их одежде, их детям или обычной репутации, кроме моей жены.

315. И в этом я восхищаюсь мудростью Божьей, что Он сделал меня робким с женщинами с момента моего первого обращения и до сих пор. Те знают, и могут также быть мне свидетелями, с кем я был наиболее близко связан, что редко можно увидеть, чтобы я проявлял любезность к женщине; общепринятое рукопожатие с женщинами я ненавижу; мне это противно, за кем бы я это ни заметил. Их общество наедине я не выношу; я редко даже прикасаюсь к женской руке; ибо я думаю, что такие дела мне не приличествуют. Когда я видел, как хорошие мужчины приветствуют рукопожатием тех женщин, которых они посетили или которые посетили их, я порой возражал против этого; и когда они отвечали, что это всего лишь проявление вежливости, я говорил им, что это не подобающее зрелище. Некоторые даже побуждали к святому поцелую; но потом я спрашивал, почему они пропускали некоторых? почему они приветствовали самых красивых и отпускали неприятных? Таким образом, какими бы похвальными ни были подобные вещи в глазах других, в моих глазах они были неприличными.

316. И теперь для закрытия этого вопроса я призываю не только мужчин, но и ангелов доказать мою виновность в том, что я имел плотские связи с любой женщиной, кроме моей жены; и я не боюсь сделать это во второй раз, зная, что это не может раздражить Господа в таком деле, призвать Бога для свидетельства на мою душу, что в этих делах я невиновен. Не то чтобы я был так храним из-за какой-то добродетели во мне более, чем кто-либо другой, но Бог был милостив ко мне и сохранил меня; Кому я молюсь, чтобы Он хранил меня ещё, не только от сего, но от всякого злого пути и дела, и сберёт меня для Его Небесного Царства. Аминь.

317. Теперь, когда сатана потрудился упреками и клеветой сделать меня мерзким среди моих соотечественников, чтобы, если возможно, моя проповедь осталась без эффекта; так к этому добавилось долгое и

утомительное тюремное заключение, чтобы тем самым отпугнуть меня от служения Христу, а мир был утрачен и боялся слушать мою проповедь; о чём я в следующем месте дам вам краткий отчет.

КРАТКИЙ ОТЧЁТ О ТЮРЕМНОМ ЗАКЛЮЧЕНИИ АВТОРА

318. Исповедуя славное Евангелие Христово долгое время и проповедуя его около пяти лет, я был задержан на собрании добрых людей в деревне (среди которых, оставь они меня в покое, я бы проповедовал в тот день, но они забрали меня из их среды) и привели к судье, который, после того как я дал гарантию моего появления на следующих заседаниях, все же заключил меня под стражу, потому что мои поручители не согласились гарантировать, что я больше не буду проповедовать людям.

319. На последующих заседаниях мне было предъявлено обвинение в поддержке незаконных собраний и тайных собраний неконформистов, а также в несоответствии национальному богослужению церкви Англии; и после некоторого совещания там с судьями, приняв моё откровенное общение с ними за признание, как они это назвали в обвинительном заключении, приговорили меня к вечному изгнанию, потому что я отказался подчиниться. Итак, будучи снова преданным в руки тюремщика, я был возвращён в темницу, и пробыл там уже целых двенадцать лет, ожидая, что Бог позволит этим людям сделать со мной.

320. В этом состоянии я оставался с большим удовлетворением, по благодати, но встретился со многими поворотами и отступлениями в своём сердце, как от Господа, Сатаны, так и от моей собственной испорченности. Благодаря всему этому (да будет слава Иисусу Христу) я также получил, среди прочего, много убеждения, наставления и понимания, о которых я не буду здесь подробно рассуждать; только дам вам намёк или два, слово, которое может побудить благочестивых

благословить Бога и помолиться за меня; а также принять ободрение, если дело касается их самих, – не бояться того, что человек может с ними сделать.

321. Никогда за всю свою жизнь я не имел такого глубокого проникновения в Божье Слово, как сейчас. Те места Писания, в которых я ничего не видел раньше, в этом месте и состоянии засияли для меня. Иисус Христос также никогда не был более реальным и видимым, чем сейчас; здесь я на самом деле увидел и почувствовал Его. О! это слово: «Мы не проповедовали вам хитросплетённых басен» (2 Пет. 1:16), и это: «Бог воскресил Христа из мёртвых и дал Ему славу, чтобы наша вера и упование были на Бога» (1 Пет. 1:21), были благословенными словами для меня в этом моём заключённом состоянии.

322. Эти три или четыре места Писания также стали для меня великим освежением в этом состоянии: Иоанна 14:1–4; 16:33; Кол. 3:3,4; Евр. 12:22–24. Так что иногда, когда я вдыхал их аромат, я мог смеяться над разорением и не бояться ни коня, ни его всадника. У меня были приятные виды прощения моих грехов в этом месте и моего пребывания с Иисусом в другом мире: О! гора Сион, небесный Иерусалим, бесчисленное множество ангелов, и Бог – Судья всех, и духи праведников, достигших совершенства, и Иисус были сладки мне в этом месте; я увидел это здесь и убеждён, что никогда, находясь в этом мире, не смогу этого выразить. Я увидел истину в этом месте Писания: «Которого, не видев, любите, и Которого доселе не видя, но веруя в Него, радуетесь радостью неизреченною и преславною» (1 Пет. 1:8).

323. Я никогда не знал, что значит для Бога стоять около меня на всех поворотах и при каждом предложении Сатаны помучить меня и т.д., как я нашёл Его с тех пор, как пришёл сюда; ибо посмотрите: когда страхи появлялись, так же и поддержка и ободрение. Более того, когда я начал, даже как бы ни в чём ином, как в своей тени, всё же Бог, будучи очень чутким ко мне, не потерпел, чтобы мне досаждали, но тем или иным местом Писания укреплял меня против всего; настолько, что я часто говорил, что если бы это было законно, я мог бы молиться о больших неприятностях, ради большего утешения (Экк.7:14; 2 Кор. 1:5).

324. Прежде, чем я попал в тюрьму, я видел, к чему дело шло, и особенно два соображения согревали моё сердце; первым было, как быть способным встретить смерть, если это станет здесь моим уделом. Для первого из них, такое место Писания (Кол. 1:11) было для меня великим наставлением, а именно: молиться Богу, чтобы «укрепиться всякою силою, по могуществу славы Его, во всяком терпении и великодушии с радостью». До заключения в тюрьму я редко мог ходить на молитву; но не менее, чем в течение года это изречение или сладкое прошение как бы всплывало в моём уме и убеждало меня, что, если когда-нибудь мне придётся пройти многие страдания, я должен иметь всё терпение, особенно чтобы перенести это с радостью.

325. Что касается второго соображения, то изречение (2 Кор. 1:9) было очень полезно для меня: «Но сами в себе имели приговор к смерти, для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мёртвых». Благодаря этому месту Писания я увидел, что если я хочу страдать правильно, я должен сначала вынести смертный приговор всему, что можно по праву назвать предметом этой жизни, даже считать себя, свою жену, своих детей, своё здоровье, свои удовольствия и всё мёртвым для меня, и себя мёртвым для них.

326. Второе — жить по Богу невидимому, как сказал Павел в другом месте; чтобы не пасть, нужно смотреть не на видимое, а на невидимое; ибо видимое временно, а невидимое вечно. И так рассуждал я сам с собою: если я приготовлюсь только к тюрьме, то кнут придёт неожиданно; и так же и позорный столб; опять же, если я приготовлюсь только к тем, то я не гожусь для изгнания. Далее, если я приду к выводу, что изгнание есть худшее, то, если придёт смерть, я буду застигнут врасплох: так что я вижу, что лучший способ пройти через страдания - это уповать на Бога через Христа, что касается мира грядущего; а что касается этого мира, считать могилу своим домом, застилать свою постель во тьме, сказать тлению: «Ты мой отец» и червю: «Ты моя мать и сестра», то есть познакомиться себя с этимивещами.

327. Но, несмотря на эту помощь, я находил себя человеком и к тому же обложенным немощами; расставание с женой и бедными детьми часто было для меня в этом месте, как отрывание плоти от костей, и не только потому, что я как-то слишком люблю эти великие милости, но и потому, что я часто вспоминал о многих невзгодах, несчастьях и лишениях, с которыми должна была столкнуться моя бедная семья, если бы меня забрали от них, особенно мой бедный слепой ребёнок, который был ближе моему сердцу, чем все остальные. О! мысли о невзгодах, которые, как я

думал, может переживать мой бедный слепой ребёнок, разбивали моё сердце на куски.

328. «Бедный ребёнок! — думал я, — какая горесть уготована тебе в этом мире! Ты должен быть побиваем, должен просить милостыню, терпеть голод, холод, наготу и тысячу бедствий, хотя я не могу теперь вынести, если ветер подует на тебя. Но всё же, — приходя в себя, думал я, — я должен поручить тебя Богу, хотя мне очень больно покидать тебя». О! я видел, что в этом состоянии я подобен человеку, который сносит свой дом на голову жены и детей своих; и всё же, думал я, я должен это сделать, я должен это сделать; и теперь я думал о тех двух молочных коровах, которые должны были вести ковчег Божий в другую страну и оставить своих телят позади. 1Цар. 6:10-12.

329. Но что помогло мне в этом искушении, так это различные соображения, из которых три я назову особо. Первым было рассмотрение таких двух мест Писания: «Оставь сирот твоих, Я поддержу жизнь их, и вдовы твои пусть надеются на Меня»; и ещё: «Господь сказал: конец твой будет хорош, и Я заставлю врага поступать с тобою хорошо во время бедствия и во время скорби» (Иер.49:11; 15:11).

330. У меня также было такое соображение, что, если я сейчас рискну всем ради Бога, я обяжу Бога позаботиться о дорогом для меня; но если я оставлю Его и Его пути из страха перед какими-либо неприятностями, которые могут прийти ко мне или моим близким, тогда я должен буду не только подделать своё исповедание, но также посчитать, что дорогое для меня не будет в безопасности, будучи оставленным у Божьих ног, пока я стою за Его имя, как оно было бы, если бы находилось под моей собственной заботой, хотя и с отречением от Божьего пути. Это было болезненное соображение и как шпоры для моей плоти. Этому ещё больше способствовало то место Писания, где Христос молится против Иуды, чтобы Бог разочаровал его в его эгоистичных помыслах, которые побудили его продать своего Учителя. Молю прочитайте это трезво: Псалом 108:6–8 и т. д.

331. У меня было ещё одно соображение, и это был страх перед адскими муками, в которых, я был уверен, должны будут принять участие те, кто из-за страха перед крестом уклоняется от исповедания Христа, Его слов и законов перед сынами человеческими. Я думал также о славе, которую Он приготовил для тех, кто в вере, любви и терпении стоит на Его путях перед ними. Эти вещи, как я сказал, помогли мне, когда мысли о несчастьях, которым я и мои близкие могут подвергнуться из-за моего исповедания, не давали мне покоя.

332. Когда я на самом деле представил, что меня могут изгнать за моё исповедание, тогда я подумал об этом месте Писания: «Они были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления, те, которых весь мир не был достоин»; ибо все они думали, что они слишком плохи, чтобы обитать и пребывать среди них. Я также подумал о таком высказывании: «Дух Святой по всем

городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня». Я воистину думал, что моя душа, и она рассуждала иногда о тяжелом и печальном положении изгнанного и ссыльного состояния, о том, как они подвергались голоду, холоду, опасностям, нагоде, врагам и тысяче бедствий; и, наконец, может быть, умереть в канаве, как бедная и брошенная овца. Но я благодарю Бога, что до сих пор я не был поколеблен этими самыми тонкими рассуждениями, а скорее, благодаря им ещё более утвердил своё сердце перед Богом.

333. Я расскажу вам интересную историю: однажды я в течение многих недель находился в особенно печальном и подавленном состоянии; и в это время я, будучи ещё молодым заключённым и не знакомым с законами, очень беспокоился о том, что моё заключение может закончиться на виселице, насколько я мог судить. Так вот, поэтому сатана сильно наседавал на меня, чтобы выбить меня из колеи, внушая мне следующее: «Но что, если, когда ты действительно соберёшься умирать, ты окажешься в таком состоянии: то есть, как не наслаждаться тем, что от Бога и не иметь в своей душе никаких доказательств лучшего будущего положения?» (ибо действительно в то время все Божьи дела были скрыты от моей души).

334. Посему, когда я впервые начал думать об этом, меня это сильно беспокоило, ибо я думал про себя, что в том состоянии, в котором я теперь был, я не был готов умереть, да и не думал на самом деле, что смогу, если был бы к этому призван; кроме того, думал я про себя, если я сделаю попытку вскарабкаться по лестнице, всё-таки или дрожью, или другими симптомами слабости дам повод врагу упрекнуть путь Божий и Его народ за их робость. Это таким образом меня сильно беспокоило, ибо, думал я, мне стыдно умереть с бледным лицом и дрожащими коленями в таком деле, как это.

335. Посему я молился Богу, чтобы Он утешил меня и дал мне силы сделать и вынести то, к чему Он меня призовет; но никакого утешения не являлось, но всё оставалось сокрытым. Я был также в это время так сильно одержим мыслью о смерти, что часто я был как будто на лестнице с верёвкой на шее; только одно было для меня некоторым ободрением: я думал, что теперь у меня будет возможность сказать свои последние слова толпе людей, которые, как я думал, придут посмотреть, как я умираю; и, подумал я, если так должно быть, если

Бог обратит хотя бы одну душу моими последними словами, я не буду считать свою жизнь потраченной впустую или погибшей.

336. Но всё Божье всё ещё было сокрыто от моего взора, и по-прежнему искуситель преследовал меня: «Но куда ты должен пойти, когда умрёшь? Что с тобой станет? Где ты окажешься в другом мире? Какое доказательство ты имеешь для неба и славы и наследия среди освящённых?» Так я метался в течение многих недель и не знал, что делать; наконец, ко мне пришло такое веское соображение, что именно ради Слова и пути Божьего я оказался в таком состоянии, поэтому я был обязан ни на волосок не уклоняться от него.

337. Я также думал, что Бог может выбрать, даст ли Он мне утешение сейчас или в час смерти; но я не мог поэтому выбирать, буду ли я придерживаться своего исповедания или нет: я был связан, но Он был свободен; более того, моим долгом было держаться Его Слова, взглянет ли Он когда-нибудь на меня или спасет ли меня в конце: посему, думал я, если дело обстоит так, я за то, чтобы продолжить и рискнуть своим вечным положением со Христом, есть ли у меня утешение здесь или нет; если Бог не придёт, думал я, я прыгну с лестницы даже с завязанными глазами в вечность, утону или поплыву, будь то рай, будь то ад, Господи Иисусе, если Ты поймаешь меня, лови; если нет, я рискну ради Твоего имени.

338. Едва я утвердился в этом решении, как на меня сошло Слово: «Разве даром богобоязнен Иов?» Как если бы обвинитель сказал: «Господи, Иов не праведный человек, он служит Тебе ради уважения: не Ты ли кругом оградил его и т. д., но прости руку Твою и коснись всего, что у него, - благословит ли он Тебя?» Как же так! подумал я, разве это признак праведной души — желать служить Богу, когда у Него всё забрали? Разве тот является благочестивым человеком, кто будет служить Богу даром, а не наоборот раздавать? Благословен Бог! Тогда я надеюсь, что у меня правое сердце, ибо я решил (Бог даёт мне силу) никогда не отречься от своего исповедания, хотя у меня вообще нет ничего для моих трудов; и когда я размышлял таким образом, передо мной предстало такое место Писания: Псалом 43:13 и т. д.

339. Теперь моё сердце было полно утешения, ибо я надеялся, что оно было искренним: я бы долго не продержался без этого испытания.

Я утешаюсь каждый раз, когда думаю о нём, и надеюсь, что буду вечно благословлять Бога за то обучение, которое я получил благодаря ему. Я мог бы рассказать ещё о многом из того, что было со мной, но эти из завоеваний и из добыч я посвятил на поддержание дома Божьего. (1 Пар. 26:27).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Из всех искушений, с которыми я когда-либо встречался в своей жизни, подвергать сомнению бытие Бога и истину Его Евангелия — самое худшее, и самое худшее, что можно вынести. Когда приходит это искушение, оно снимает с меня мой пояс и убирает из под меня основание. О! Я часто думал о таких словах: «Препояшьте чресла ваши истиною»; и об этих: «Когда разрушены основания, что сделает праведник?»

2. Иногда, когда после совершения греха я ожидал болезненного наказания от руки Божьей, следующим, что я получал от Него, было открытие Его благодати. Иногда, когда я был утешен, я называл себя глупцом за такое моё погружение в беспокойство. И затем, когда я снова был повержен, я думал, что было неразумно давать такой путь утешению; с такой силой и тяжестью оба они были на мне.

3. Я много удивлялся такой одной вещи, что, хотя Бог посещает мою душу с таким благословенным открытием Себя, всё же я снова обнаруживал, что такие часы посещали меня впоследствии, что я в своём духе был настолько наполнен тьмой, что я даже не мог постичь, что этот Бог и то утешение и были тем, чем я освежился.

4. Иногда я видел в одной строчке Библии больше, чем мог понять; а в другой раз вся Библия казалась мне сухой, как палка; или, скорее, моё сердце было настолько мёртвым и сухим по отношению к ней, что я не мог представить освежения, хотя я искал его повсюду.

5. Из всех страхов лучшие те, которые навеяны кровью Христа; и из всякой радости слаще всего та, которая смешана с печалью о Христе: О! как хорошо стоять на коленях перед Богом с Христом в наших руках: надеюсь, я кое-что знаю об этих вещах.

6. Я по сей день нахожу в своём сердце семь мерзостей: 1. Склонность к неверию; 2. Внезапно забыть любовь и милосердие, которые проявляет Христос; 3. Склонность к делам закона; 4. Блуждания и холодность в молитве; 5. Забывать следить за тем, о чём молюсь; 6. Склонен роптать, потому что я имею не больше, и всё же готов портить то, что имею; 7. Я не могу сделать ничего из того, что повелевает мне Бог, а мои пороки вылазят сами. «Когда хочу делать доброе, прилежит мне злое».

7. Эти вещи я постоянно вижу и чувствую, они причиняют мне боль и угнетают, однако мудрость Божья направляет их мне на благо; 1. Они заставляют меня презирать себя; 2. Они хранят меня от доверия своему сердцу; 3. Они убеждают меня в недостаточности всякой присущей мне праведности; 4. Они показывают мне необходимость стремиться к Иисусу; 5. Они заставляют меня молиться Богу; 6. Они показывают мне, что мне нужно бодрствовать и быть трезвым; 7. И побуждают меня молиться Богу через Христа, чтобы помочь мне и перенести меня через этот мир.